

ИЗДАЕТСЯ
МИКРОФИЛЬМ

01. 12. 124

121

Годъ 69-й.

26 Декабря 1904 г.

№ 52.

На родинѣ Христа.

Я ѣхалъ въ знойный день къ святому
Вилеему,
Душой переживалъ на родинѣ Христа
Благую вѣсть любви, небесную поэмю—
Отъ яслей радостныхъ до скорбнаго
Креста.

Дорога пыльная вилась, бѣлѣя,
въ гору;
Все было выжжено, пустынно вокругъ
меня,—
И дни минувшіе задумчивому взору
Сіяли явственнѣй сверкающаго дня.

Я видѣлъ пастырей, склоненныхъ у пещеры
И созерцающихъ Младенца въ пеленахъ...
О, сколько святости въ младенчество ихъ
вѣры,
Какая музыка въ сердечныхъ ихъ струнахъ!

Но лики мудрецовъ, явившихся съ
востока,
Ихъ вѣщія дары духовному Царю
Еще отраднѣе для умственнаго ока;
За ними вслѣдъ и я любовь боготворю.

Ихъ пылкія сердца доннынѣ не погасли,—
Нагорный Вилеємъ, горятъ они въ тебѣ;
Здѣсь братства кроткаго спасительныя ясли
И первый шагъ Любви къ спасительной
борьбѣ!

И пусть лежатъ вокругъ развалины
нѣмья,
Какъ кости мертвецовъ, отраденъ этотъ
путь,
И счастливъ, кто, забывъ страданія
былыя,
Къ нимъ съ вѣрой пастырей приходитъ
отдохнуть.

Иль Р. Лобовъ

Золотой вѣкъ.

Деятнадцать вѣковъ тому назадъ старая земля, пережившая великіе перевороты, претерпѣвшая страшныя войны и кровавыя взаимныя истребленія человѣческихъ обществъ, земля, видѣвшая поразительныя чудеса древности, земля, оскверненная отвратительными преступленіями, на какія способно только людское племя, по какой-то неразгаданной милости неба, была избрана мѣстомъ для совершенія величайшаго чуда. Въ незамѣтномъ уголкѣ ея, въ темной пещерѣ, служившей для ночлега домашнимъ животнымъ, въ ясляхъ, изъ которыхъ они получали свою скудную пищу, родился новый, дотолѣ невиданный, Свѣтъ, озарившій вселенную, и въ тотъ-же мигъ старый, дряхлѣющій міръ былъ приговоренъ. Міръ этотъ жилъ на началахъ себялюбія и вражды. Каждый отдѣльный человѣкъ, каждая семья, каждое племя, каждый народъ считали всѣ блага земли принадлежащими только имъ и видѣли кроваваго врага въ другомъ человѣкѣ, въ другой семьѣ, въ другомъ племени, въ другомъ народѣ и на землѣ царилъ всеобщая вражда.

И когда надъ тихимъ Виелеемомъ заблесталъ новый, дотолѣ никѣмъ не виданный Свѣтъ, и изумленные люди обратили къ Нему взоры, новое слово, начертанное лучезарными буквами, узнали они. Это слово—Любовь.

И смутилась вражда, застигнутая врасплохъ и, въ смущеніи, начала проявлять себя неслышанными злодѣйствами. Не вѣдая иного пути, кромѣ истребленія, ослѣпленная яркимъ Свѣтомъ, блиставшимъ надъ пещерой, мечтающая уничтожить явившуюся людямъ Любовь, она принялась истреблять едва родившіяся жизни, чтобы вмѣстѣ съ ними погибли лучшія надежды человѣчества.

Но Свѣтъ не погасалъ. Лучезарная Любовь сіяла надъ міромъ и ея тихіе, кроткіе лучи манили къ себѣ, обѣщая утомленному въ борьбѣ, истерзанному враждой, изстрадавшемуся человѣчеству—новыя формы жизни, царство братской любви и всеобщаго мира.

И шли вѣка. Новый Свѣтъ сіялъ міру, не угасая ни на одно мгновеніе. И подъ его благотворнымъ сіяніемъ, понемногу распался старый міръ, покоившійся на началахъ себялюбія, и на его мѣстѣ зарождалась новая жизнь. Но и вражда не дремала. Озлобленная произнесеннымъ надъ нею приговоромъ, увѣренная въ своей конечной

гибели, она напрягала всѣ силы и, къ стыду человѣчества, не напрасно: ей многое удавалось. Изъ всѣхъ гніющихъ болотъ она подымала испаренія, которыя густымъ непроницаемымъ туманомъ закрывали отъ людей Свѣтъ, неизмѣнно сіявшій надъ пещерой; въ людскихъ сердцахъ она пробуждала низменныя страсти и тогда на цѣлый рядъ вѣковъ вновь на землѣ водворялась ненависть и люди, племена, народы проводили жизнь во взаимномъ истребленіи. Даже самую Любовь они дѣлали предметомъ вражды, извращали ея смыслъ, святотатственно выставляя ея незапятнанное имя на знамени, съ которымъ они шли убивать братьевъ... Братоубійство—во имя Любви... Мракъ во имя Свѣта..

Но приходилъ сильный человѣкъ, гигантъ, рожденный изъ благороднѣйшихъ соковъ человѣчества, вдохновенный пророкъ, очи котораго проникали сквозь туманъ и видѣли безконечную даль прошедшихъ и грядущихъ вѣковъ, приходилъ великій человѣкъ и разгонялъ туманъ и люди прозрѣвали и вновь видѣли Свѣтъ, сіявшій надъ пещерой, вѣчный, неугасаемый. И калялись люди, плакали, простирали руки туда, въ сторону Виелеема, и братски обнимали другъ друга и на землю нисходилъ миръ.

Тогда уязвленная вражда опять собирала остатки своихъ силъ и призывала на помощь адъ...

И шла борьба—непрестанная. Лучезарная Любовь, увѣренная въ своей непоколебимой силѣ, тихо и спокойно сіяетъ надъ міромъ, своей ласковой улыбкой облегчая его страданія, согрѣвая его своимъ нѣжнымъ тепломъ. А вражда, дѣлая все новыя и новыя усилія, сгорая въ пламени своей бѣшенной злобы, все ослабѣваетъ и вѣтъ уже не вдалекѣ видится ея послѣдняя гибель.

Ночь проходитъ, тяжелая, мучительная ночь и исчезаетъ страшный кошмаръ, такъ долго душившій человѣчество. На востокѣ показались первые проблески утренней зари...

Скоро взойдетъ солнце, радостное солнце Любви и человѣчество вступитъ въ новую эру и на землѣ, озаренной дивнымъ Свѣтомъ, непрестанно сіяющимъ надъ Виелеемской пещерой, водворится золотой вѣкъ всеобщаго братства и миръ и благоволеніе...

И. Пашаевъ

МУРИЛЬО.
Рождество Христово.

(Этюдъ съ картины).

Когда-же будетъ Рождество?

Въ этомъ году Рождество прошло гораздо раньше, чѣмъ всегда, и было совсѣмъ не похоже на прежнія; такъ по крайней мѣрѣ думалъ маленькій Люликъ.

Обыкновенно, когда наступало Рождество, на улицахъ давно все было бѣлое; вѣдали на легкыхъ, веселыхъ санкахъ; на углахъ улицъ выростали цѣлыя рощи елокъ, большихъ и маленькихъ; дома же всѣ были радостные, захопотавшіеся, и его не пускали въ залу, и все время проносили разные таинственные свертки, разжигавшіе его любопытство.

Ничего подобнаго теперь не было: погода стояла сырая, туманная; на улицахъ вмѣсто бѣлаго снѣга лежала черная липкая грязь, вмѣсто скрипа полозьевъ шумѣли колеса; а дома всѣ были хмурые, грустные—и мама, и бабушка, и сестра Нюта—а елку все таки принесли и начали ее убирать—но отъ него не прятались—Правда, и елка сама была совсѣмъ не такая, какъ прежде: крошечная, безъ всякихъ игрушекъ, только золотыя нитки, нѣсколько цвѣтныхъ свѣчей и золоченыхъ орѣховъ—вотъ и все. Занимались ею всѣ, и при этомъ бабушка и Нюта плакали. Онъ отлично видѣлъ, какъ онѣ отворачивались и утирали слезы, и Нюта говорила:

— У меня сегодня ужасный насморкъ.

Мама, та не плакала. Она улыбалась. Но отъ этой улыбки Люликъ не дѣлалось веселѣе. Онъ своимъ 6-лѣтнимъ сердчишкомъ прекрасно понималъ—какъ всегда дѣти понимаютъ все, что отъ нихъ хотятъ скрыть—что вовсе у Нюты не насморкъ, а она плачетъ, а мама хоть и улыбается, но ей совсѣмъ не смѣшно.

Онъ уллучилъ минуту и спросилъ сестру—онъ вообще въ затруднительныхъ случаяхъ прибѣгалъ къ ея помощи:

— Нюта, теперь Рождество?

Нюта покровительственно погладила длинные волосы братишки. Ей было 12 лѣтъ, и она считала себя много старше „маленькаго“, и всегда охотно брала на себя роль его защитницы, наставницы и т. д.

Она отвѣтила ему:

— Нѣтъ, Люликъ, теперь осень.

— А Рождество когда?

— До Рождества еще два мѣсяца.

— Это много?

— Очень много.

— Какъ, сколько? Какъ отсюда до нашего дома?

Нюта знала его манеру одинаково измѣнять время и пространство, и серьезно отвѣтила:

— О, нѣтъ, гораздо дальше. Какъ отсюда до Лѣтнаго сада.

— У... много! А зачѣмъ-же тогда у насъ елка?

— Елка?.. Это не намъ, Люликъ. Это мы папѣ пошлемъ.

— Папѣ? На войну? И онъ ее тамъ зажжетъ?

— Зажжетъ, Люликъ, и будетъ объ насъ думать... и голосъ дѣвочки оборвался. Ясно представилось ей, что можетъ быть бѣдная елочка, которую онѣ такъ бережно уложили въ Рождественскую посылку,—придеть слишкомъ поздно.

Люликъ молча выслушалъ ее и исчезъ. Онъ вернулся черезъ минуту и протянулъ сестрѣ маленькую фарфоровую обезьянку—его послѣднюю и самую страстную любовь.

— На... возьми... это тоже папѣ на елку.

И сосредоточенно потянулъ носомъ воздухъ.

* * *

Бракъ Уржумовыхъ былъ однимъ изъ счастливыхъ браковъ. Они были женаты больше 12-ти лѣтъ, и любили другъ друга, если не „какъ въ первый день“, то можетъ быть еще глубже и лучше, съ общностью идеѣ, вкусовъ и стремленій; даже рожденіе двухъ дѣтей не вывело ихъ изъ полного единенія, какъ это часто бываетъ. Наталья Павловна была прекрасной матерью, но не преувеличивала своихъ обязанностей и не ушла исключительно въ дѣтскую; она находила въ жизни мѣсто и для музыки, и для новой книги, и для общественныхъ интересовъ, а главное, для своего Сергѣя. Уржумовъ былъ страшно занятъ, и потому часы, когда они наконецъ „дорывались другъ до друга“, были имъ особенно дороги. Всегда находилось столько разказать другъ другу, столько было мыслей, которыми хотѣлось подѣлиться, а часто нельзя было въ присутствіи дѣтей—

такъ что Нюта нерѣдко слышала отъ матери фразу:

— Нюта, займись съ Люликомъ.

И Нюта „играла въ маму“, рассказывала брату сказки, учила его читать, укладывала спать и всецѣло была вознаграждаема за это улыбкой матери и ея словами:

— Ты моя милая помощница!

Нюта гордилась этимъ и, дѣйствительно, если матери хотѣлось читать, или отецъ былъ дома и отдыхалъ—за книгой, за скринкой (отдыхъ Уржумовъ всегда былъ чѣмъ-нибудь заполненъ)—ни кто не тревожилъ ихъ, не отрывалъ; въ домѣ, какъ мышка неслышно, всемъ распоряжалась Нюта, накрывала столъ къ чаю, возилась съ Люликомъ и т. д.

Но когда только было можно—дѣвочка была тѣнью матери. Дѣвочка обожала ее всей своей чуткой маленькой душой, обожала въ ней все: ея тонкую, дѣвическую фигуру, мягкіе волосы, блѣдныя руки, и всего больше ея улыбку. Правда, улыбка была самымъ прекраснымъ въ лицѣ Натальи Павловны, улыбка—и глаза. Глаза были такіе что одинъ знаменитый художникъ писавшій Благовѣщеніе, упросилъ ее посидѣть ему два-три сеанса для глазъ Маріи,—и знакомые попадавшіе въ соборъ гдѣ висѣла эта картина узнавали ея глаза.

Нюта вѣзла глаза у отца—темные и большіе, но вѣрно невольно переняла выраженіе глазъ матери, и ея глаза смотрѣли также широко, ясно и немного вопросительно—словно ждали отвѣта на какой-то вопросъ души. И улыбалась она такъ же красиво какъ мать, только безъ еле замѣтнаго оттѣнка грусти въ улыбкѣ, который чувствовался у той.

Наталья Павловна была очень несчастна въ дѣтствѣ, ребенкомъ выброшена мачихой изъ дома, рано узнала вею горечь чужого хлѣба, униженія переживаемая дѣвчушками ищущими труда, погоню за ея молодостью, травлю озлобленныхъ людшекъ не терпящихъ красоты связанной съ чистотой и честностью. И все это внесло отпечатокъ грусти въ ея улыбку, даже теперь, въ хорошей отдыхъ семьи...

Но тѣмъ вѣрнѣе любила она своего мужа, друга и защитника. Жили они скромно, но ни въ чемъ себѣ не отказывая, помогали всякой бѣдной роднѣ, воспитывали дѣтей, имѣли небольшой кружокъ знакомыхъ и—для себя—большаго не хотѣли.

* * *

Была весення бѣлая ночь. Въ домѣ Уржумовыхъ уже все спали, кромѣ хозяевъ.

Вечеръ прошелъ какъ всегда: съ дѣтской болтовней за чаемъ, съ рассказами Нюты о гимназій, безконечными вопросами Люлика. Потомъ уложили Люлика, потомъ, приготовивъ уроки, ушла и Нюта. Наталья Павловна разучивала съ мужемъ Грига;—послѣ музыки взялись за новую книжку журнала, усѣвшись на любимый старый диванъ въ ея уютной комнатѣ, читали, болтали, мечтали о лѣтнемъ отдыхѣ.

— Заработался ты у меня! говорила она, нѣжнымъ

жестомъ глядя его начинающую рано сѣдѣть голову и смотря въ немного усталые темные глаза.—Скоро лѣто... подожди, мѣсяца на два можно будетъ уѣхать куда-нибудь въ глушь, къ морю.

— Хорошо-бы заграницу проѣхать въ этомъ году, если все будетъ благополучно.

— Тогда знаешь куда? На Фирвальштетское озеро, въ горы! И не дорого, и для дѣтей будетъ чудесно.

— А помнишь, какъ мы въ первый разъ попали туда?

— Господи! Еще-бы!..

Оба примолкли. Передъ ихъ глазами ясно рисовалась горная тропинка, по которой взбирались они къ своему тале. Голубое небо, синее озеро, отвѣсная гора кудрявая отъ сосенъ—все это такое банальное на картинкахъ и такое неотразимо очаровательное въ дѣйствительности, съ шелестомъ вѣтра, съ пріятнымъ ароматомъ прогрѣтыхъ солнцемъ красныхъ смолистыхъ стволовъ... И они оба—счастливые, легкіе, молодые, съ большими альпійскими палками въ рукахъ какъ на крыльяхъ взбѣгающіе туда, высоко, высоко...

Они взглянули другъ другу въ глаза—и въ невольномъ порывѣ она прижалась къ нему, а онъ крѣпко поцѣловалъ эту, все еще дорогую ему, головку:

— Опять туда!..

Когда она подняла голову, въ глазахъ ея блесгли слезы.

— Ты чего плачешь? встревожился онъ.

— Это отъ радости... что намъ и теперь такъ хорошо вмѣстѣ!

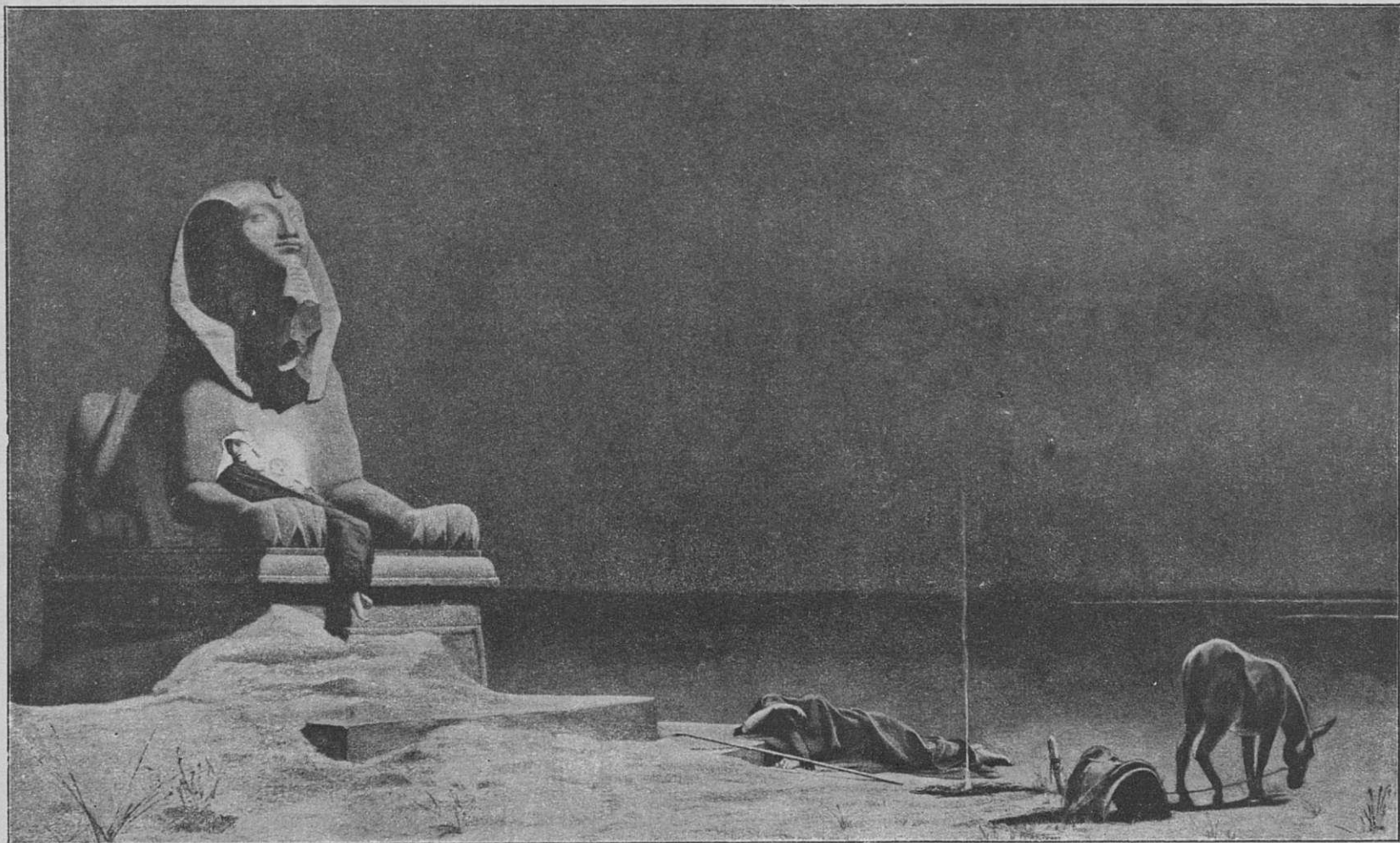
— Да, было хорошо...

Хорошо было и въ ихъ милой комнатѣ, съ плотно-

ТИЦІАНЪ.
Рождество.

М. ЛУКЪ-ОЛИВЬЕ МЕРСОНЪ.
Бѣгство въ Египетъ.

опущенными занавѣсками, не пропускавшими нервного свѣта бѣлой ночи, съ мерцаньемъ лампадки и ласковой тишиной...

Они давно спали, когда вдругъ рѣзкій звонокъ нарушилъ эту тишину и затрещалъ тревожно въ ночномъ молчаніи. Еще... и еще...

Наталья Павловна проснулась первая.

— Сергѣй, ты слышишь? Окликнула она мужа.

Мямо по коридору, уже послышались торопливые и неуверенные съ просонья шаги горничной.

— Что такое? Проснулся онъ и приподнялся, протирая глаза.

— Звонокъ?..

Неопредѣленное предчувствіе кольнуло обихъ; у нея внутри что-то похолодѣло.

— Вѣрно телеграмма... стараясь быть спокойнымъ, сказалъ онъ.

— Баринъ, пожалуйста расписаться! послышался взволнованный голосъ горничной и стукъ въ дверь.

— Телеграмма? Произнесла, вся дрожа, Наталья Павловна, пока мужъ быстро кое-какъ одѣвался.

Она уже отлично знала, что это не телеграмма, п. ч. тогда внизу расписался-бы швейцаръ.

— Нѣтъ... тутъ съ призывнымъ листомъ пришли... отвѣчала перепуганная дѣвушка.

Сергѣй молча вышелъ.

— Боже мой! сказала Наталья Павловна, и ее охватилъ такой порывъ безумнаго отчаянія, что она вдругъ изъ всей силы ударилась головой объ стѣну въ безсознательной потребности физической болью заглушить тотъ ужасъ, что поднимался въ ней. Еще... еще... она почувствовала, что близка къ истерикѣ.

— Только не это!..

Она соскочила съ постели, набросила на себя капоть, залпомъ выпила стаканъ воды и до боли крѣпко стиснула застывшія руки. Когда онъ вошелъ, совершенно блѣдный, она встрѣтила его спокойно и твердымъ голосомъ спросила:

— Призываютъ?

На ряду съ уверенностью что это такъ, жила еще какая-то тѣнь надежды на чудо...

— Да.

Онъ взявъ ея руки въ свои, крѣпко сжалъ и съ минуту оба молчали. Каждый старался влить въ другого свою силу, съ одною мыслью чтобъ другой это пере-несъ...

Еще минута—и молчаніе становилось опасно. Наталья Павловна быстро заговорила:

— Въ какой срокъ?

— Въ 5 дней.

— Не надо терять головы. Все обдумать. Ты за насъ не бойся.

— Я знаю.

— Отъ судьбы не уйдешь.

Эти простые слова они говорили спокойно, а въ груди у нихъ все рвалось, хотѣлось крикнуть, зарыдать отъ нелѣпости этой разлуки, этого разрушенія и гибели ихъ гнѣзда...

Она стиснула зубы, чтобъ не стучали.

— Квартиру сдать...

— Да, конечно...

— Вещи въ складъ...

— Самое лучшее... Продать всегда можно послѣ, если...

— Полно...

— Сами къ бабушкѣ...

— Да, конечно...

И опять рядомъ съ этими словами такъ ясно вставали картины разгрома, опустошенія ихъ гнѣзда, ихъ старыхъ друзей—вещей, дѣлившихъ съ ними и трудные и радостные дни,—призраки неизбежнаго будущаго... А они продолжали спокойно перекидываться этими ужасными, простыми словами, таившими въ себѣ мракъ и отчаяніе разлуки, безнадежность лишенія, опасности, быть можетъ смерти...

И она улыбалась ему, улыбалась поблѣвшими губами, повторяя:

За насъ не бойся...

* * *

Съ той-же улыбкой она стояла, нѣсколько дней спустя, на вокзалѣ въ Москвѣ, куда ей удалось проводить мужа. Не рыдающую, не бьющуюся въ изступленіи—а вотъ такую сохранилъ онъ ее въ своей душѣ—блѣдную, похудѣвшую, но спокойную и улыбающуюся своей милой улыбкой:

— Храни тебя Господь, до свиданья, до свиданья!.. Онъ зналъ, что эта улыбка не покинетъ его и тамъ, среди злого ужаса войны, одобряя среди

холода и голода, согрѣвая и освѣщая растерянный умъ надежды на возвращеніе...

Только когда поѣздъ совсѣмъ исчезъ—она перестала улыбаться. Она всплеснула руками, сдѣлала такое движеніе, будто хотѣла броситься за нимъ вслѣдъ—и безъ памяти упала на каменные плиты платформы.

Ее привели въ чувство, какая-то сердобольная дама проводила ее до гостиницы... Въ тотъ-же вечеръ она уѣхала въ Петербургъ,—и на другой день, опять со своей тихой улыбкой, утѣшала Нюту и обѣщала Люлику, что папа скоро вернется и привезетъ ему лошадку.

И дни потянулись...

Люлику не нравилось въ маленькой бабушкиной квартирѣ, было тѣсно, и какъ-то не такъ какъ дома. И всѣ были скучны... Единственное, чему всѣ радовались, это были телеграммы—получавшіяся рѣдко... Когда онѣ получались, мама вся измѣнялась. Она бросалась, почти вырывала листокъ изъ рукъ служанки, читала его, перечитывала, потомъ цѣловала дѣтей какъ безумная, говоря имъ:

— Живъ, и здоровъ папа, слышите!... И глаза ея сіяли такой радостью, мучительной радостью.

Бабушка вела дѣтей къ образу, заставляла стать на колѣни и благодарить Бога, что папа живъ и здоровъ.

Люликъ усердно клалъ пухлые пальцы на лобъ, на животикъ, и два плеча, и молился:

— Боженька, спасибо, что папочка живъ и здоровъ! и про себя прибавлялъ:

— Пошли, Боженька, скорѣе еще телеграмму! (Это слово онъ выучилъ хорошо).

А на кухнѣ ревѣла кухарка: ее мужа взяли на войну, но онъ присылать телеграммы ей не могъ... И каждый разъ когда въ лавкѣ читали: „нижнихъ чиновъ убито 900, ранено 1500“...

она думала что одинъ изъ нихъ ее Ванюшка...

* * *

Въ обществѣ дамы находили, что М-ме Уржумова—очень сухая натура.

— Я слезинки не видѣла въ ее глазахъ! говорила съ удивленіемъ одна пріятельница—другой.—Это прямо какъ-то странно...

Дѣйствительно, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда Уржумова должна была куда-нибудь ѣхать, и тамъ говорили при ней о войнѣ—она молчала. Читали газеты, цитировали отрывки изъ корреспонденцій:

„Полмилліона людей живутъ въ непрестанной тревогѣ, спятъ на голой землѣ, въ лучшихъ случаяхъ, въ землянкахъ и въ палаткахъ, въ которыя можно пробраться только ползкомъ, на передовыхъ-же позиціяхъ, прямо въ окопахъ“.

„Морозы доходятъ уже до 20 градусовъ, дуютъ безпрестанные вѣтры, проносятся снѣжные бури“...

„Нерѣдко войска не смѣютъ даже развести костры, чтобы обсушиться и обогрѣться“...

„Пища на нѣкоторыхъ позиціи подвозится только ночью, воду нерѣдко приходится добывать подъ выстрѣламъ“...

„Не досыпая, не доѣдая, дрожа отъ холода и сырости, эти люди ждутъ... вѣрнѣе всего, смерти“...

Читая это, впечатлительныя дамы, особенно тѣ, избранныя судьбы, у кого не было близкихъ на войнѣ содрогались и со слезамъ на глазахъ восклицали:

— Это ужасно!...

— Ахъ, это такой кошмаръ!

— Когда же это кончится?

И записали при этомъ пти-фуры горячимъ чаемъ. А Наталья Павловна вставала и прощалась своей застывшей улыбкой...

Она шла домой, и ей казалось сномъ, что вокругъ горятъ витрины магазиновъ, яркія вывески ресторановъ, что къ театрамъ и цирку подкатываетъ экипажъ за экипажемъ... Сытая, равнодушная толпа, позволяющая свершаться страшному дѣлу и въ антрактахъ или за ужиномъ по обязанности повторяющая:

— Это ужасно...

А тамъ... тамъ въ это время мракъ... лютый морозъ... и во мракѣ выстрѣлы и смерть...

* * *

Дома она питалась чаемъ и чернымъ хлѣбомъ, и спала на голыхъ доскахъ. Она физически не могла-бы дѣлать иначе, зная что Сергѣй тамъ, можетъ быть, голодаетъ и мерзнетъ.

Это не мѣшало ей работать до усталости, лихорадочно, ни одной минуты не останавливаясь безъ дѣла. Она занималась съ дѣтми, особенно съ Нютой, которую пришлось взять изъ гимназіи, начала опять давать уроки музыки, чтобы не быть въ тягость свекрови, живущей на маленькую пенсію, какъ большинство людей, существующихъ не рентой, а своимъ трудомъ, и особенно помогающимъ всѣмъ, кому возможно. Какъ это дѣлали Уржумовы, они почти ничего не откладывали, и теперь надо было найти заработокъ. Къ счастью, нашелся, при помощи нѣкоторыхъ друзей. Но когда они соболѣзновали Натальѣ Павловнѣ, она только говорила:

— Мнѣ ли жаловаться? Я имѣю возможность работать, и бабушка съ нами все дѣлится. А вѣдь сколько совсѣмъ нищими осталось? Въ деревняхъ вонъ рѣжутся съ голоду.

Одно было ей тяжело, что она не могла посылать мужу всего, въ чемъ, знала, они нуждаются. Она отказывала себѣ во всемъ, чтобы отправить ему лишнюю

посылку: то теплыхъ вещей, то чаю, консервовъ, то мыла, табаку и т. д. И каждый предметъ она мысленно заклинала дойти до нихъ, принести этимъ обреченнымъ хоть капле облегченія. Ужасно ей было думать, что тѣ вещи первой необходимости, которыя здѣсь имѣлъ всякій бѣднякъ, тамъ являлись чуть ли не роскошью для тѣхъ, кто жертвовалъ за что-то жизнью своею; что оттуда, какъ милостыни, молили теплыхъ вещей и т. д. для тѣхъ, кто имѣлъ право за жизнь свою требовать хотя бы тепла и пищи; что оттуда за каждый пустякъ благодарили какъ за счастье... И его милыя письма, въ которыхъ онъ рассказывалъ ей разныя мельчайшія подробности ихъ существованія, не упоминая ни словомъ о лишеніяхъ, опасностяхъ, развѣ короткое: „наша рота была въ бою, не пугайся читая описаніе въ газетахъ, вынесъ Богъ“...—эти письма своими шутками даже доставляли ей боль.

— „Неужели на свѣтѣ есть еще полы, потолки, ковры, цвѣты, грибы, борщъ съ сосисками? Не вѣрно!“ Она, читая это, только стискивала зубы и сжимала пальцы, чтобы не вскрикнуть...

Въ рождественскую посылку она вложила елку, чувствуя, что если дойдетъ, то въ зеленыхъ своихъ вѣткахъ, наивно убранныхъ золотомъ и свѣчами—она принесетъ ему съ собой кусочекъ ихъ дома, ихъ семьи, дѣтскаго веселья... Кусочекъ ихъ счастья... быть можетъ утраченного навсегда?..

Она знала эту мысль, боялась остановиться на ней—но каждое его письмо, послѣ момента безумной радости, приводило ей, какъ-то не словами, а образами, страшную мысль.

— Что если въ то время какъ она читаетъ это письмо—его уже нѣтъ?..

* * *

Пришелъ и снѣгъ. Показались санки. Люлику можно было бѣгать во дворѣ и играть съ дѣтьми въ снѣжки. По всѣмъ его понятіямъ приближалось Рождество: выросли елки на улицахъ, запахло яблоками, засуетились какъ-то особенно люди съ разными свертками...

Съ нетерпѣніемъ ждалъ онъ Рождества, милой желанной елки—настоящей, не такой какъ папина...

А елки не было. Такъ и не было.

* * *

Нюта вошла къ матери. Она рѣдко беспокоила ее вопросами относительно Люлика, и со всѣми его желаніями и сомнѣніями привыкла справляться сама. Но тутъ она не нашлась, что ему отвѣтить, и пошла къ матери.

— Наталья Павловна сидѣла у окна, положивъ голову на сложенные на подоконникѣ руки.

Въ окнахъ противоположнаго дома зажигалась огнями елка.

— Мама!..

Наталья Павловна не слыхала шаговъ дѣвочки. Испуганная, она обернулась на ея неожиданный окликъ, не успѣвъ измѣнить выраженія лица. Нюта въ первый разъ увидѣла мать въ слезахъ, и у нея захолоуло на сердцѣ.

Но она не стала объ этомъ ничего говорить, и только спросила мать о томъ, съ чѣмъ шла:

— Мама... Что мнѣ Люлику сказать? Онъ очень плачетъ и все спрашиваетъ, когда же будетъ Рождество?

— Когда? почти со стономъ вырвалось у матери.— Если-бъ можно объяснить ему... Охъ.

— Нюта, Нюта!.. Смотри... прочитай... Она взяла лежавшую открытой книгу съ подчеркнутой строкой, и Нюта прочла!

— „И на землѣ миръ и въ челоуѣцахъ благоволеніе“...

— Ты понимаешь эти слова?

— Да, мама... проштала дѣвочка.

— Ну такъ вотъ, когда эти слова не будутъ такой ужасной насмѣшкой, когда люди перестанутъ какъ дикіе звѣри рвать другъ друга въ клочки изъ за жалкаго куса земли, когда не будутъ порваны всѣ завѣты Христа—только тогда будетъ Рождество, до тѣхъ поръ это пустое слово, призракъ, ложь!.. Она говорила въ лихорадкѣ, точно забывъ съ кѣмъ говорить—и вдругъ опомнилась увидѣвъ дрожащую Нюту, смотрѣвшую на нее полными слезъ глазами...

Она прела рукой по лбу, встряхнула головой, пригнула къ себѣ дѣвочку и поцѣловавъ ее, прижала на минуту къ себѣ. Когда Нюта подняла голову, мать уже улыбалась. Она тихо сказала ей:

— Поди и объясни Люлику, что папа увезъ съ собой Рождество... Когда онъ вернется тогда будетъ праздникъ.

Штенкина-Куперникъ

ДВѢ ЖИЗНИ.

РАЗСКАЗЪ.

Учитель села Борщи былъ челоуѣкъ съ виду незамѣтный и скромный. По крайней мѣрѣ никто изъ знавшихъ его и имѣвшихъ съ нимъ дѣло не могъ упрекнуть его въ заносчивости, въ гордости, въ задираніи носа и вообще въ дурномъ характерѣ.

Совершенно напротивъ, всѣ находили, что онъ черезчуръ ужъ кротокъ и тихъ. Случалось, когда собирались гости у кого-нибудь изъ наиболѣе значительныхъ персонъ села Борщи, на примѣръ — у батюшки, о. Аполинарія, или у старшины, Олексія Жбана, — случалось, говорю, что учитель сидитъ за столомъ, прямо таки у всѣхъ на виду, но ведетъ себя такъ тихо и незамѣтно, что его и не видятъ, а иной разъ кто-нибудь еще спроситъ, чуть не глядя ему въ лицо:

— А гдѣ-же нашъ панъ учитель? что это его не видно?

Такъ его всѣ и называли: „панъ учитель“, хотя у него были имя и отчество, а именно: Степанъ Захарьевичъ, да и фамилія: Туберскій. Но Степаномъ Захарьевичемъ могъ быть всякій, это дѣло простаго случая, а

Ж. СТЕВЕНСЪ.

Несчастіе странствующаго шарманщика.

чтобы называться „паномъ учитель-лемъ“, надо было достигнуть и онъ очевидно, достигъ.

Работал онъ въ своей школѣ неусыпно и, глядя

какъ онъ съ утра до вечера возится со школьниками, можно было подумать, что онъ обожаетъ это занятіе. Онъ надрывался и потѣлъ, стараясь вбить въ головы своихъ учениковъ всѣ тѣ, не особенно богатые, познанія, которыми самъ владѣлъ.

Въ дѣйствительности-же онъ ненавидѣлъ и школу и школьничковъ и свое занятіе, а усердствовалъ единственно ради достиженія своего идеала: перевода въ городскую школу. Какой это будетъ городъ, губернской или уѣздной или даже заштатный, ему это было безразлично, лишь-бы былъ городъ, а въ немъ гимназія. Въ эту гимназію онъ отдастъ своего старшаго и единственнаго сына Василья (остальные четверо были дочери), который достигнетъ того, что ему самому, Степану Туберскому, не удалось.

И работалъ онъ каторжно, школа его была ужъ больше, чѣмъ образцовая, но село Борщи какъ-то такъ расположилось, что въ него ни откуда не было поцуги и оттого начальство не пріѣзжало и старанія Степана Туберскаго пропадали даромъ.

Неусыпные труды видимо отразились на наружности Туберскаго. У него былъ такой видъ, какъ будто каждую ночь къ нему на грудь прилеталъ вампиръ и высасывалъ изъ этой груди столько крови, сколько ему было нужно.

Блѣдный худосочный, съ маленькой остроконечной головой, на которой, хотя и не было форменной лысины, но волосы—короткіе и прямые—росли такъ рѣдко, какъ будто садовникъ посадилъ ихъ каждый отдѣльно. Лицо у него было обыкновенное съ мелкими незамѣтными чертами, усы едва пробивались, какъ у юнца, на подбородкѣ—ни одного волоска, но отъ висковъ, по самой крайней границѣ щекъ спускались густые, мягкіе, какъ

пухъ, бѣлесоватые бакены, заѣзжали куда-то внизъ и, сойдясь повыше кадыка, таинственно выглядывали изъ-за подбородка, дѣлая Туберскаго похожимъ не то на сановника, не то на англійскаго лорда, не то на обезьяну.

Отъ природы онъ былъ вполне приличнаго роста, но многолѣтняя усердная учительская служба согнула его спину и на верхинкѣ ея, на одной высотѣ съ плечами, выдвинула—не горбъ, а какое-то новое, анатоміей не предусмотрѣнное, возвышеніе, которому о. Аполливарій, склонный къ глубокомысленнымъ и въ то же время проническимъ опредѣленіямъ, далъ имя: „мозоль народнаго просвѣщенія“. Благодаря этому возвышенію, сортуку Туберскаго—а онъ, въ ожиданіи внезапнаго пріѣзда благосклоннаго начальства, всегда носилъ одинъ и тотъ же сортуку—сзади былъ значительно короче, чѣмъ спереди.

Такимъ представлялся Степанъ Туберскій съ виду. Но никто, рѣшительно никто не зналъ, что дѣлается у него въ душѣ, гдѣ жилъ настоящій Туберскій, совсѣмъ не похожий на того, который учительствовалъ въ селѣ Борщи. Объ этомъ могла только догадываться его жена и то не болѣе двухъ разъ въ году—на Пасхѣ и на Рождествѣ, когда Туберскій позволялъ себѣ выпивать болѣе одной рюмки водки. Дѣлалъ онъ это только дома, въ кругу своей семьи и тогда—именно уже послѣ второй рюмки, потому что голова у него была очень слабая—онъ начиналъ высказывать такія странныя мысли, которыя никакъ не согласовались съ его скромнымъ положеніемъ и тихимъ характеромъ.

Глаза у него вдругъ дѣлались большими, слегка даже выкатывались изъ орбитъ, металы искры внутренняго огня, ротъ кривился на сторону, рѣдкіе волосы на головѣ торчали дикообразомъ, а галстухъ, съ пристегнутымъ воротничкомъ непремѣнно съѣзжалъ на сторону. За второй онъ выливалъ третью и четвертую, послѣ чего начиналъ стучать кулакомъ по столу и билъ посуду, а изъ устъ его вылетали только отдѣльные слова, безъ смысла и, наконецъ, онъ выдалъ въ забытѣе.

Казалось-бы, что на этомъ дѣло и кончалось. Въ дѣйствительности-же Туберскій только съ этого момента и начиналъ свою настоящую жизнь, ту самую жизнь, которую подавила въ немъ двадцатилѣтняя учительская работа, утомительная, однообразная, принужденная работа изъ-за куска хлѣба для себя и для семьи. Тутъ выступало на сцену новое дѣйствующее лицо, новый герой, который тоже носилъ фамилію—Туберскій и прозывался Степаномъ Захарьевичемъ, но былъ совсѣмъ другой и не имѣлъ ничего общаго съ скромнымъ и тихимъ учителемъ села Борщи.

На этотъ разъ дѣло было такъ. Туберскіе были приглашены ѣсть кутью къ батюшкѣ, о. Аполливарію. Собственно—кутью слѣдуетъ ѣсть дома, это ужъ такое правило, такъ издавна ведется. Но батюшка съ матушкой были бездѣтны и къ тому же за долгую жизнь изрядно надоѣли другъ другу, а Туберскіе всегда пользовались ихъ расположеніемъ и покровительствомъ. Такъ ужъ имъ нельзя было отказать. Гранеза у батюшки была назначена вечеромъ, по заходѣ солнца. Но солнце еще стояло довольно высоко, когда къ Туберскимъ пришелъ старый дьякъ Федотъ.

Дьякъ Федотъ состоялъ на приходѣ въ селѣ Борщи безчисленное множество лѣтъ. При немъ переимѣнилось пять батюшекъ, село Вориди претерѣло много переимѣнъ, самъ онъ похоронилъ одну жену и взялъ другую, наконецъ и званіе дьяка давно уже было уничтожено, а онъ все существовалъ и именно въ качествѣ дьяка. Нельзязе было въ самомъ дѣлѣ уничтожить его потому только, что вздумали уничтожить званіе. И ему было позволено кончить жизнь дьякомъ. Его длинный кафтанъ изъ чернаго люстрина производилъ такое впечатлѣніе, какъ будто былъ сшитъ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, когда дьякъ Федотъ былъ молодъ, тонокъ и строенъ. На головѣ у него вовсе не было волосъ, но они вдругъ, какъ будто внезапно, выросли изъ затылка и собирались въ жиденькую съдѣнькую косичку, которая, болтаясь на спинѣ, сдѣлала на соответствующемъ мѣстѣ кафтана широкое салъное пятно. Лицо у него было красное, прыщеватое, носатое, борода рѣдѣнькая—длинная и узкая.

Дьякъ тоже былъ приглашенъ къ батюшкѣ и зашелъ, чтобы вмѣстѣ отправиться. Но дьяка нельзя было держать въ домѣ болѣе четверти часа, не угостивъ его водкой и соленымъ огурцомъ. Подобное обращеніе онъ принималъ за личную обиду.

Поэтому жена Туберскаго съ того и начала, что накрыла столъ скатертью, поставила огурцы и графинчикъ съ красной настойкой.

— Я думаю, не грѣхъ будетъ, Федотъ Игнатьевичъ? спросила она.

— По заходѣ солнца разрѣшается, отвѣтилъ дьякъ.

— Да оно еще не зашло, возразилъ Туберскій,—вонъ оно какъ свѣтитъ во все лопатки.

— А вотъ я пересяду на другой край стола, такъ оно для меня и зайдетъ! сказалъ дьякъ и въ самомъ дѣлѣ переимѣстился къ тому краю стола, гдѣ были огурцы и водка:—вотъ я его и не вижу, стало быть для меня оно зашло.

Но когда дьякъ увидѣлъ, что на столѣ стоитъ только одна рюмка, то возмутился. Безъ хозяина онъ пить не можетъ, это у него правило. Туберскій всячески отказывался. Вѣдь ему это опасно. Скоро къ батюшкѣ идти, а у него, у Туберскаго, во хмѣлю нравъ не подходящий.

— Пустое, твердилъ дьякъ, — мы выпьемъ по единой. А отъ единой рюмки ничего не станется.

И Туберскій и дьякъ хорошо знали, что и отъ единой можетъ статься, и тѣмъ не менѣе учитель, по долгу гостепріимства, долженъ былъ согласиться и на столѣ скоро появилась другая рюмка. И выпили они по единой.

Слабая голова Туберскаго сейчасъ-же поддалась дѣйствію зловредной влаги и ему, еще совершенно трезвому, стало казаться, что при одной рюмкѣ другая, тоже одна, ровно ничего не составляетъ, поэтому онъ чрезвычайно легко поддался предложенію дьяка выпить „еще по единой“. Послѣ этого лицо его какъ-то вдругъ переимѣнилось. Скромное, сѣрое, ничего не выражавшее, кромѣ забитости, оно начало саркастически улыбаться и при томъ все—и ротъ и носъ и лобъ и глаза и бакенбарды и каждая точка на немъ. Дьякъ еще не успѣлъ высказаться по поводу третьей рюмки, а Туберскій уже сказалъ ему презрительно...

— А третья, видно, тебѣ не по зубамъ? А? Федотъ! Что скажешь на это, Федотъ?

Уже одно то, что Туберскій заговорилъ съ дьякомъ на ты, указывало на совершившуюся переимѣну. Обыкновенно къ дьяку, какъ и ко всемъ на свѣтѣ, онъ относился въ высшей степени почтительно, называя его Федотомъ Егорычемъ, каковымъ и былъ въ дѣйствительности этотъ почтенный человѣкъ.

Дьякъ Федотъ, разумеется, поспѣшилъ доказать, что третья рюмка ему вполне по зубамъ, налилъ себѣ и Туберскому и они выпили. Послѣ этого, положеніе дѣла настолько выяснилось, что жена Туберскаго тутъ же махнула рукой и послала старшую дѣвочку къ матушкѣ извѣстить, что Степанъ Захаревичъ заболѣлъ и потому они на кутью не придутъ и начала наскоро готовить трапезу для вечера.

А Туберскій послѣ третьей — не выпилъ больше ни одной. Вурный періодъ былъ на этотъ разъ коротокъ. Онъ раза два хватилъ кулакомъ по столу, разбилъ рюмку и тарелку съ соленымъ огурцомъ и вдругъ ослабѣлъ. Онъ положилъ обѣ руки на столъ, а на руки свою маловолосую голову и тихо, незамѣтно перешелъ въ тотъ міръ, который былъ такъ не похожъ на дѣйствительность его жизни. Все, что таилъ онъ въ душѣ своей, забитый и прижатый обстоятельствами, и чего никому не показывалъ, теперь переживалъ онъ съ той яркостью, на какую способно возбужденное и въ то же время освобожденное отъ всего путь воображеніе.

Онъ видитъ себя мальчикомъ въ семьѣ незначительнаго чиновника. Семья огромная, девять дѣтей, но все дѣвочки, онъ одинъ только мальчикъ. Онъ родился по счету седьмымъ и на него сейчасъ-же возложили тяжкое бремя надеждъ. Это онъ почувствовалъ уже съ того момента, когда впервые смутно созналъ себя. Сестры его были некрасивыя и опытный глазъ сразу могъ-бы опредѣлить, что имъ всемъ суждено было остаться въ дѣвкахъ. Образование они получили „домашнее“, т. е. никакого. Питаніе ихъ было скудное, поэтому онѣ все ходили съ блѣдными худосочными лицами и всегда хотѣли спать.

И онъ видитъ себя среди нихъ, какъ будто въ зеркалѣ; но странно: онъ — ребенокъ, это не подлежитъ сомнѣнію, — ему лѣтъ семь; на немъ короткіе штанишки, высокіе чулочки, курточка и благонравный широкій бѣлый отложной воротничекъ; онъ ребенокъ—это ясно; а между тѣмъ на головѣ его рѣдѣнькіе волосы, которые торчатъ кверху, какъ пни въ недавно вырубленномъ лѣсу, а по краямъ щекъ, въ родѣ кустарниковъ на опушкѣ лѣса, растутъ бакены, сходящіеся ниже подбородка. А это еще болѣе странно: вѣдь это было добрыхъ лѣтъ сорокъ тому назадъ, никакого дьяка Федота онъ тогда не зналъ и не воображалъ, что онъ есть на свѣтѣ, а между тѣмъ и дьякъ Федотъ тутъ—маленькій такой, въ маленькомъ кафтаникѣ, съ маленькой косичкой на спинѣ... Да нѣтъ, Боже мой, это не дьякъ Федотъ, это соленый огурецъ—въ маленькомъ кафтаникѣ и съ маленькой косичкой...

За столомъ сидятъ—его отецъ—блѣдный, облѣзлый чиновникъ, похожій на воротникъ старой шубы, поедѣн-

ный молью, мать—толстая, коренастая, съ лицомъ, слегка краснымъ отъ дѣйствія кухоннаго жара, и восемь сестеръ съ домашнимъ образованіемъ. На столѣ—супъ и жаркое, всѣ ѣдятъ понемногу, а ему накладываютъ въ тарелку—цѣлое море супа и цѣлую гору жаркого и всѣ въ одинъ голосъ говорятъ:—Степа—наша надежда! Степа будетъ учиться въ гимназіи, Степа будетъ первымъ ученикомъ, съ золотой медалью... Степа будетъ важнымъ чиновникомъ, генераломъ, министромъ... Степа выведетъ насъ въ люди! Степа—наша надежда! Ахъ, Степа, Степа, Степа...

А маленькій дьякъ-Федотъ, или нѣтъ—соленый огурецъ въ кафтаникѣ и съ косичкой ухмыляется и тоненькимъ, плаксивымъ голосомъ произноситъ:

— Н-да... Оно хорошо бы, ежели-бы по зубамъ...

Проходятъ годы. Онъ въ школѣ. На немъ синий мундирчикъ съ блестящими пуговицами. Но что это за заморенное существо... Ростомъ его „выгнало“ и оттого, должно быть, руки и ноги у него тонки, какъ лозинки, въ лицѣ ни кровинки,—худое оно, блѣдное, безцвѣтное, только глаза горятъ нездоровымъ, лихорадочнымъ блескомъ. На головѣ волосы рѣдкіе, а на щекахъ уже торчатъ зачатки будущихъ бакенговъ.

И каждый часъ, каждое мгновеніе въ ушахъ его звучатъ голоса отца, матери и восьми сестеръ съ домашнимъ образованіемъ: „Степа—наша надежда... Степа будетъ первымъ ученикомъ... съ золотой медалью... Важнымъ чиновникомъ... Генераломъ... Министромъ!!“. И онъ какъ-бы придавленный этими непомѣрными надеждами, съ страстнымъ желаніемъ во что-бы то ни стало осуществитъ ихъ, просиживаетъ долгіе вечерніе часы надъ скучными учебниками, согнувшись надъ книгой, упираясь грудью объ острый край парты. Глаза у него ослабѣли, буквы и цифры прыгаютъ передъ нимъ въ какомъ-то дикомъ танцѣ, какъ будто еговорившись дразнить его.

Онъ не видитъ товарищей, не слышитъ ихъ голосовъ, не выходитъ въ садъ, на улицу, не участвуетъ въ играхъ... А все сидитъ, сидитъ, словно пригвожденный къ скамейкѣ, сидитъ и учится...

Но бѣда его въ томъ, что слабый, обезкровленный мозгъ его не въ состояніи осилить латинской и греческой мудрости, не даются ему также математическія формулы и онъ далеко, ахъ, какъ далеко не первый ученикъ. Ужъ онъ по два года сидѣлъ во второмъ и въ четвертомъ классѣ и еле-еле перейдетъ въ пятый. А золотая медаль... Чертъ возьми, — онъ ее получить, онъ добьется... Пусть окончательно согнется его спинной хребетъ, пусть въ его жилахъ не останется ни одной кровинки, но онъ осилитъ эту мудрость, онъ добьется, добьется...

Вошелъ инспекторъ и остановился на порогѣ. Въ классѣ все смолкло. Гимназистъ Туберскій поднялъ голову, смотреть своими въ конецъ утомленными глазами и видитъ: то не инспекторъ, то дьякъ Федотъ... Ахъ, да нѣтъ-же,—то соленый огурецъ—въ старомъ кафтаникѣ, съ косичкой на затылкѣ, стоитъ и ухмыляется, качаетъ своей лысой головой и говоритъ:

— Оно хорошо-бы, ежели-бы по зубамъ...

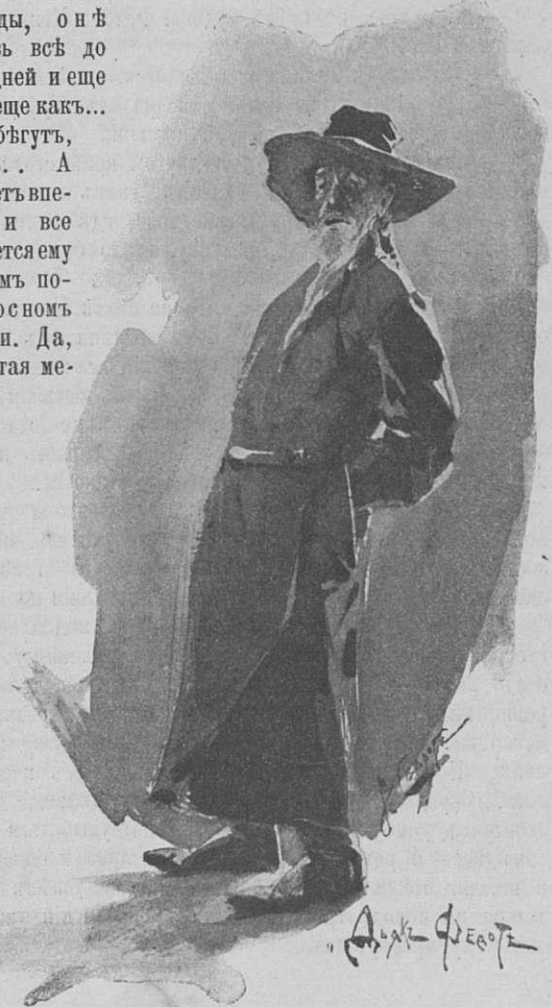
Прошелъ еще годъ. Онъ обезсилѣлъ. Въ его жилахъ, должно быть, дѣйствительно, не осталось ни капли крови.

а спинной хребетъ его согнулся въ дугу. Но науки онъ не осилитъ. Въ третій разъ остаться на второй годъ ему не позволили и онъ оставилъ гимназію. Вотъ онъ въ кругу своей семьи... Отецъ нахмурился, сердитъ, ни съ кѣмъ не разговариваетъ... Мать съ ожесточеніемъ звенитъ кастрюлями въ кухнѣ, а восемь сестеръ съ домашнимъ образованіемъ, изъ которыхъ ни одна такъ и не вышла замужъ, плачутъ навзрывъ и у всѣхъ на лицахъ написано, у всѣхъ звучитъ въ голосѣ, въ интонаціяхъ, въ шагахъ, въ каждомъ движеніи: — Обманулъ! Обманулъ! Обманулъ! А мы-то такъ на тебя надѣялись!..

— Н-да... Раздается гдѣ-то въ пространствѣ знакомый синоватый тенорокъ:— оно хорошо-бы, ежели-бы по зубамъ...

Но это только такъ кажется. Кажется, будто онъ обманулъ ожиданія и даже хуже: будто онъ послѣ этого пять лѣтъ мыкался безъ мѣста, а потомъ выдержалъ таки экзаменъ на учителя и получилъ школу, а затѣмъ скоро женился и пошли у него дѣти, словомъ—все то, что въ дѣйствительности было. Хотя это и было въ дѣйствительности, хотя оно такъ и есть, а все-же, все-же это только такъ кажется. Ахъ, этого никто не пойметъ, потому что есть другая жизнь, которой никто никогда не видѣлъ; она расцвѣтаетъ въ его душѣ и никогда не увядаетъ.

Несбывшіяся надежды, онѣ сбывлись всѣ до послѣдней и еще какъ, еще какъ... Годы бѣгутъ, бѣгутъ... А онъ идетъ впередъ и все улыбается ему въ этомъ побѣдномъ шествіи. Да, и золотая ме-

Ж. Л. ЖЕРОМЪ
Дуэль послѣ маскарада.

даль была, что же тутъ такого? Не боги получаютъ ее... И университетъ и дипломъ и служба... Передъ нимъ раскрыты всѣ двери... Ахъ, какъ хорошо, какъ легко дышется человѣку счастливому, которому даны способности и удача.

На всѣхъ парахъ онъ совершаетъ карьеру. За нимъ просто не угнаться. Черезъ какія-нибудь три—четыре года онъ уже столоначальникъ а, можетъ быть, дѣлопроизводитель, Богъ ихъ знаетъ, какъ это тамъ называется... Ордена, награды, чины такъ и льзутъ на него. Онъ женится на очаровательной особѣ изъ высшаго круга, на свадьбѣ его церковь полна раззолоченныхъ мундировъ, разряженныхъ дамъ и дѣвицъ... и апостола читаетъ и высоко-высоко выносить дьякъ-Федотъ... У него дѣти— все дочери, дочери и сынъ Вася... А вотъ ужъ онъ вицедиректоръ, директоръ, генералъ, тайный совѣтникъ и, наконецъ, министръ. Развѣ вы не видите, что его пріемная полна народу и всѣ они дрожать, какъ въ лихорадкѣ. Но зачѣмъ они дрожатъ? Вѣдь онъ добръ. Вотъ онъ выходитъ и всѣхъ дѣлаетъ счастливыми... Да, да, иначе онъ не можетъ. Иначе не стоить быть министромъ. И всѣ его восемь сестеръ съ домашнимъ образованіемъ—тоже счастливы. Они всѣ вышли замужъ за графовъ и князей... Ахъ, какъ хорошо, когда можешь всѣхъ сдѣлать счастливыми...

Что такое? Онъ—чиновникъ? Онъ—Степанъ Туберскій—столоначальникъ, директоръ, генералъ, тайный совѣтникъ, онъ, который ненавидитъ канцелярскихъ крысъ, хотя бы и самыхъ жирныхъ?

Никогда! Это недоразумѣніе. Этого не было. Его всегда влекло къ наукѣ, вотъ это правда. Онъ безъ труда осилить латынь и греческій языкъ и всѣ остальные науки, получилъ магистра, доктора и еще что-то поважнѣе, чему онъ даже имени не знаетъ и вотъ онъ въ своемъ уютномъ, по-

койномъ кабинетѣ, окруженный толстыми фоліантами, почтенный, всѣми уважаемый, дѣлаетъ открытіе за открытіемъ. Онъ... Вы хотите знать правду? Такъ вотъ она: онъ докторъ Фаустъ, да, да, это онъ и есть: докторъ Фаустъ, Фаустъ Туберскій... А передъ нимъ стоитъ на своей хромой ногѣ Мефистофель—тонкій и длинный, въ длинномъ засаленномъ кафтанѣ, съ совершенно лысой головой и съ сѣденькой косичкой на затылкѣ... Стоитъ онъ, ухмыляется и такъ вятно, такъ явственно произноситъ:

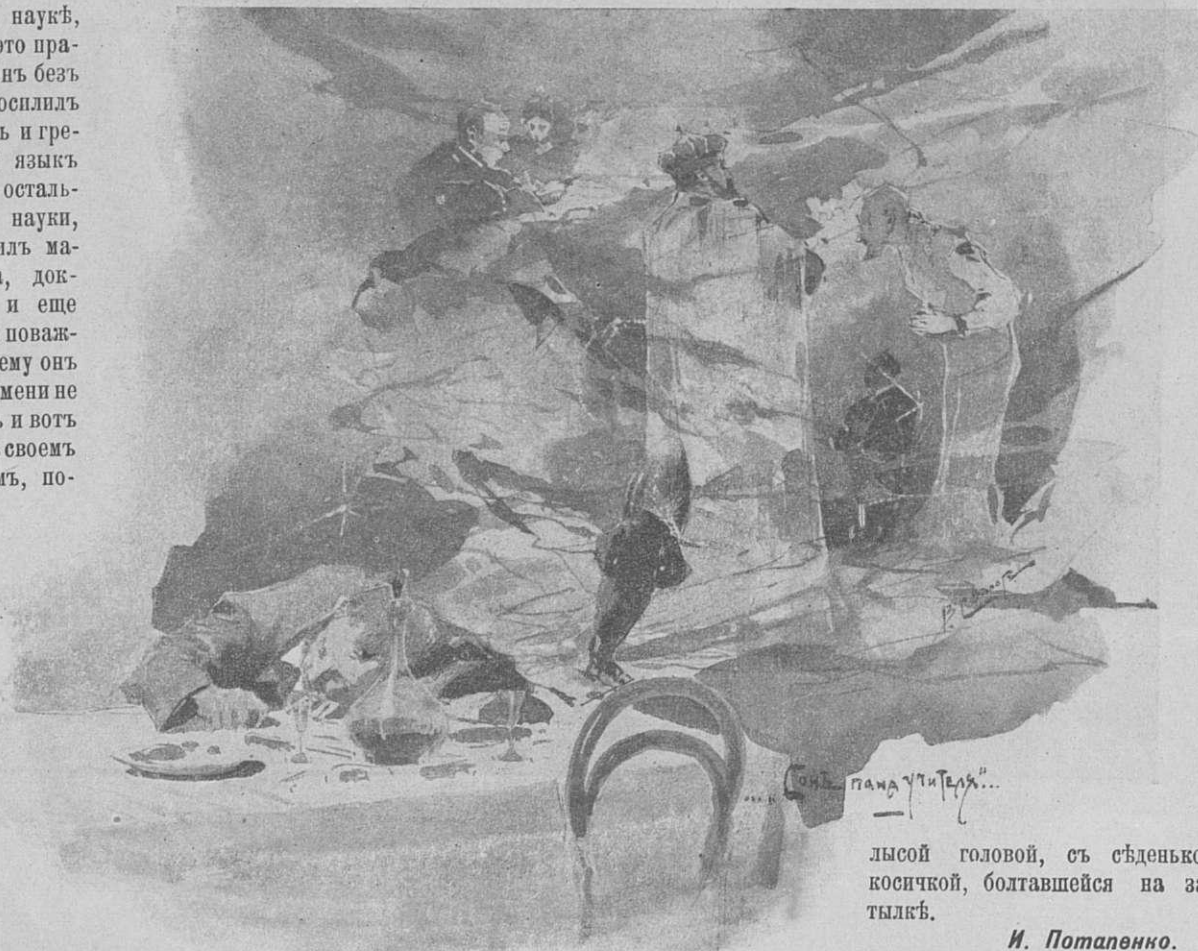
— „Н-да... Оно хорошо бы, ежели-бы по зубамъ“...

— Пора тебѣ, Степанъ, пора!.. совершенно ясно раздается надъ его ухомъ знакомый женскій голосъ и кто то осторожно толкаетъ его въ бокъ.—Пора! четыре часа уже спишь!..

Протеръ глаза Степанъ Туберскій и видитъ: круглый столъ накрытъ бѣлой скатертью, на немъ стоятъ миски и блюда съ кутьей и взваромъ, съ жареной рыбой и пирогами. На столѣ горятъ восковыя свѣчи, а за столомъ его дѣти сидятъ.

Да, значить, все это такъ и есть. Кончилась та, другая жизнь, оборвавшись на самомъ занимательномъ мѣстѣ.

Онъ поднялся и видъ у него былъ такой забитый задвѣленный и тихій. А на спинѣ его „мозоль народнаго просвѣщенія“ какъ будто еще выросла и стала замѣтнѣе. Онъ прочиталъ молитву и сѣлъ за столъ. Но плохо ѣлось ему. Въ головѣ былъ сумбуръ. Слушалъ онъ, что говорили жена и дѣти, но видѣлъ ихъ смутно, какъ бы въ туманѣ. И все представлялся ему соленый огурецъ въ длинномъ обтрепанномъ кафтаникѣ, съ совершенно

... «онъ панаучитель»...
—
лысой головой, съ сѣденькой косичкой, болтавшейся на затылкѣ.

И. Потапенко.

Несчастье и Бѣдность.

(Рождественская сказка).

Жана Мериберъ.

Когда-то, въ небольшой деревушкѣ, названіе которой я забылъ, жилъ да былъ кузнецъ и звали его Несчастье.

Несчастье жилъ у самой околицы въ крохотномъ бѣдненькомъ домишкѣ, который составлялъ все его имущество; домишкѣ этотъ былъ черный отъ дыма кузнечнаго горна и скорѣе походилъ на старую собачью конуру; за домишкомъ былъ небольшой палисадникъ, посреди котораго расло одно большое сливовое дерево.

Несчастье скромненько короталъ свою жизнь въ этомъ домишкѣ вмѣстѣ со своимъ вѣрнымъ псомъ, который назывался Бѣдность. Онъ дѣлился съ нимъ послѣднимъ кускомъ чернаго хлѣба, который онъ вообще гораздо чаще запивалъ водой, чѣмъ виномъ, такъ какъ работы у него почему-то всегда было очень мало, хотя онъ и былъ хорошимъ кузнецомъ. Когда подкуетъ деревенскую клячу, когда сваритъ сломавшуюся ось, когда починитъ топоръ — но эти мелкія работы оплачивались плохо и кузнецу приходилось протягивать ножки по одежкѣ. Въ городѣ Несчастье зарабатывалъ-бы много больше, но онъ слишкомъ любилъ свою деревушку, свой домишко, да старую сливу и не могъ съ ними разстаться. Онъ былъ доволенъ своей судьбой и когда что-нибудь коваль, то всегда мурлыкалъ веселую пѣсенку.

Но вот однажды, около Рождества, два путешественника, верхами на мулахъ, одинъ молодой, другой постарше, остановились передъ его кузницей.

Лицо молодого путешественника было привѣтливо, ласковые глаза смотрѣли любовно, русая борода обрамляла красивое лицо, длинные волосы шелковистыми волнами ниспадали ему на плечи. Его спутникъ, много старше его, имѣлъ длинную съдую бороду и гораздо болѣе суровое, хотя тоже довольно доброе, лицо. Отвѣтивъ на вѣжливый поклонъ Несчастья, онъ обратился къ нему.

— Добрый человѣкъ, мулъ моего господина потерялъ подкову. Не можешь-ли ты поскорѣе подковать его, чтобы мы до ночи успѣли въ городъ.

— Къ вашимъ услугамъ, господа, — отвѣчалъ любовно Несчастье. Но будьте добры, пока я разведу огонь въ горнѣ, зайдите ко мнѣ и отдохните, вы, навѣрное устали. Дорога до города не близкій конецъ. Я сейчасъ принесу вамъ бутылочку стараго, хорошаго вина, которую оставилъ мнѣ мой отецъ на случай болѣзни.

— Спасибо, отвѣчалъ путешественникъ съ съдой бородой, мы, конечно, не откажемся.

Молодой-же путешественникъ отвѣтилъ на приглашеніе Несчастья такой ласковой улыбкой, что казалось, вся комната наполнилась какимъ-то сіяніемъ.

Пока кузнецъ раздувалъ огонь въ горнѣ, готовлялъ инструменты и калилъ желѣзо, старшій путешественникъ съ интересомъ разспрашивалъ его о его работѣ, о его жизни и планахъ, а младшій, сидя въ старомъ съ соломеннымъ сидѣніемъ креслѣ, внимательно вслушивался въ отвѣты кузнца, полные добродушія и честности, и лучезарные глаза его съ любовью останавливались на почернѣвшемъ отъ дыма лицѣ Несчастья

* * *

Когда мулъ былъ подкованъ, оба путешественника поднялись. Старшій вынулъ изъ кошелька, висѣвшаго у него за поясомъ вмѣстѣ съ цѣлой пачкой ключей, красивую блестящую монету и протянулъ ее Несчастью.

— Этого слишкомъ много, — забормоталъ смущенно бѣднякъ; — дайте мнѣ столько, сколько стоитъ моя работа; а что касается бутылки вина и куска хлѣба, предложенныхъ вамъ отъ чистаго сердца, то за нихъ брать деньги грѣшно.

Молодой путешественникъ, который до сихъ поръ хранилъ молчаніе, теперь вдругъ заговорилъ.

— Ты честный и добрый человѣкъ — сказалъ

онъ. Прими это золото, какъ плату за твою работу. Что же касается до твоего гостепріимства, то за него отплачу тебѣ я, ибо за стаканъ воды, поданный усталому путнику, я даю вѣчную награду... Три желанія, которыя ты выскажешь, будутъ исполнены.

* * *

Надо однако полагать, что Несчастье былъ большой оригиналъ, потому что онъ высказалъ весьма странныя желанія.

— Я прошу, сказалъ онъ, чтобы всякій, кто ни сѣлъ бы на то кресло, на которомъ сидѣлъ ты, не могъ встать съ него безъ моего разрѣшенія.

Желаніе, повидимому, объясняемое глубокимъ уваженіемъ честнаго кузнца къ гостю, не возбудило никакого удивленія въ немъ.

— Да будетъ такъ, сказалъ онъ съ той-же лучезарной улыбкой, въ то время какъ другой, толкая подъ локоть недогадливаго кузнца, шепталъ ему:

— Проси Царствія Небеснаго.

Но Несчастье не слушалъ его.

— Господинъ, продолжалъ онъ: — потому разные бродяги воруютъ сливы съ моего единственнаго дерева. Я прошу, чтобы всякій, кто ни взлѣзъ-бы на это дерево, не могъ бы слѣзть съ него безъ моего разрѣшенія.

— Да будетъ такъ, сказалъ гость, но лучезарная улыбка сбѣжала съ его лица.

Въ это время старшій сильно толкнулъ кузнца въ бокъ и прошепталъ:

— Глупый, проси Царствія Небеснаго.

Но Несчастье, чувствовавшій себя молодымъ и здоровымъ, не думалъ о смерти и опять не послушалъ добраго совѣта.

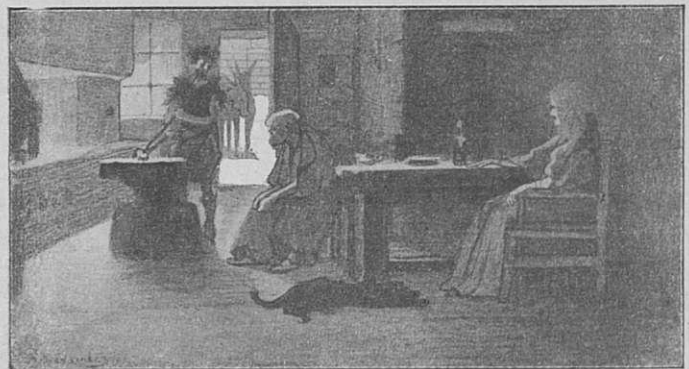
— Наконецъ, сказалъ онъ, мое третье желаніе заключается въ томъ, что бы все, что ни попало бы въ этотъ старый кошелькъ, не могло бы выйти изъ него безъ моего разрѣшенія.

— Да будетъ такъ, сказалъ гость съ глубокимъ вздохомъ сожалѣнія.

Грустный сѣлъ онъ на мула и уѣхалъ въ сопровожденіи своего спутника со двора гостепріимнаго, но глупаго кузнца.

* * *

Когда Несчастье остался одинъ, въ душу его закра-

лось сомнѣніе... Смутно онъ чувствовалъ, что просьбы его не понравились дивному гостю, и чѣмъ больше онъ думалъ, тѣмъ яснѣе становилось ему, что онъ сдѣлалъ глупость и что упустилъ случай выпросить себѣ что либо посущественнѣе, и желанія, одно другого заманчивѣе, стали наполнять его сердце. Впервые онъ остро почувствовалъ весь ужасъ своего нищенскаго существованія. Его вѣрный другъ „Бѣдность“, приласкавшійся было къ нему, вдругъ получилъ такого пинка въ бокъ, что съ визгомъ отлетѣлъ въ другой уголокъ комнаты. Несчастье устыдился было своей грубости и хотѣлъ уже позвать Бѣдность къ себѣ, чтобы погладить и утѣшить собаченку, какъ вдругъ передъ нимъ появилось странное существо, сидѣвшее верхомъ на наковальнѣ.

— Эге, пріятель—обратился къ нему незнакомецъ, теперъ ты уже больше не поспишь, стоя у своей нако-

вални. Не разъ проходя мимо твоей кузницы, я съ удовольствіемъ слушалъ твои пѣсни... но я не заходилъ къ тебѣ потому, что люди, распѣвающіе пѣсни, рѣдко нуждаются во мнѣ... Я, голубчикъ мой, чортъ, самый настоящій чортъ, я всегда готовъ служить всякому, кто хочетъ пользоваться моими услугами... Сегодня, другъ мой, ты не доволенъ своей судьбой, мечтаешь о богатствѣ, объ удовольствіяхъ, о шикарномъ платьѣ, о рыскахъ и пр. Все это я могу тебѣ дать;—стоитъ тебѣ только подписать этотъ договоръ и ты будешь въ теченіи десяти лѣтъ пользоваться всеми благами жизни.

— Десять лѣтъ, воскликнулъ изумленный кузнецъ. Ну, этого мнѣ довольно!

И онъ подписалъ договоръ.

* * *

Однако Несчастье ошибся; десять лѣтъ для людей, живущихъ веселой жизнью, срокъ очень короткій. Несчастье любилъ карты, вино и женщинъ и десять лѣтъ пролетѣли, какъ мимолетный сонъ. Онъ испробовалъ рѣшительно все удовольствія, но не успѣлъ пресытиться ни однимъ, когда въ одинъ прекрасный вечеръ онъ

вдруг очутился въ своемъ обѣдненькомъ домикъ. По старой-ли привычкѣ или желая обогрѣться, онъ раздулъ огонь въ горнѣ и когда передъ нимъ появился чортъ, то онъ былъ очень занятъ большими желѣзными полосами, которыя калилъ въ горнѣ.

— Честъ имѣю кланяться, сказалъ ему чортъ. Я вижу, ты опять вспомнилъ свое прежнее ремесло и это очень предусмотрительно съ твоей стороны, потому что тамъ, куда я тебя сейчасъ утащу, ты встрѣтишь не одну кузницу, только тамъ тебѣ придется немножко покорчиться между молотомъ и наковальней. Собирайся, пріятель, твой часъ насталъ.

— Я отлично знаю, что срокъ договора истекъ, возразилъ ему спокойно Несчастье, и именно поэтому я и рѣшилъ попрощаться со своимъ домикомъ и привести его предварительно въ порядокъ. Вонъ тамъ у окна два боченка стоятъ совсѣмъ безъ обручей, я ихъ окую обручами, для этого мнѣ нужно какихъ нибудь полчаса, а потомъ я къ твоимъ услугамъ. Пока же присядь вотъ на это кресло и хлебни стаканчикъ—другой водки, которую я, какъ гостепріимный хозяинъ, припасъ для тебя.

— Ладно, сказалъ чортъ, только пожалуйста поторопись.

Съ этими словами онъ усѣлся въ кресло, сдѣлавъ при этомъ однако такую гримасу, какъ будто бы съѣлъ ча иглоки.

Несчастье, между тѣмъ, ходилъ по кузницѣ съ озабоченнымъ видомъ, и выбравъ желѣзную полосу потолще, сунулъ въ горнъ и началъ ее калить, усердно работая мѣхами, что было силы.

— Скоро ты кончишь? забеспокоился чортъ, который начиналъ уже терять терпѣніе. Ты даже, кажется, бормочешь какую-то молитву? Смотри, пріятель, со мной шутки плохи. Не забудь, договоръ подписанъ, твоя душа въ моемъ распоряженіи. Пойдемъ-ка.

Онъ хотѣлъ подняться, но не смогъ и почувствовалъ себя пригвожденнымъ къ креслу. Тогда Несчастье вы-

тащилъ изъ горна до бѣла раскаленную полосу желѣза и началъ осыпать чорта, полавшагося въ ловушку, жестокими ударами. Чортъ оралъ и ревелъ отъ боли, а кузнецъ, ни мало не смущаясь, колотилъ его безъ сожалѣнія, стараясь бить по самымъ чувствительнымъ мѣстамъ.

— Пощади! Умилосердись! кричалъ чортъ. Что тебѣ отъ меня надо? Развѣ я плохо исполнилъ свое обѣщаніе? Ой! ой! Чего тебѣ надо? Говори скорѣе, я тебѣ дамъ все, чего только ты пожелаешь, только отпусти меня.

— Ладно, сказалъ кузнецъ, отставляя въ сторону желѣзную полосу и вытирая со лба катившіяся крупными каплями потъ. Чего мнѣ нужно? Еще десять лѣтъ такой-же развеселой жизни, какой я пользовался до сего дня. И потомъ еще, чтобы ты пришелъ по мою душу непременно не зимой, а осенью, чтобы я могъ передъ смертью пользоваться фруктами изъ моего сада. Понялъ?

— Согласенъ, простоналъ измученный чортъ. Черезъ десять лѣтъ, осенью, я явлюсь, и ты дорого заплатишь мнѣ за эту каверзу, мерзавецъ.

И онъ исчезъ въ смрадномъ облакѣ, вдругъ наполнившемъ кузницу, а Несчастье опять ушелъ въ городъ.

* * *

Второй десятокъ лѣтъ пролетѣлъ еще скорѣе, чѣмъ первый, и однажды подъ вечеръ, когда осеннее солнце косыми лучами золотило крышу полуразвалившейся кузницы, чортъ появился опять передъ кузнецомъ, но на этотъ разъ, опасаясь опять какой-нибудь каверзы, уже въ сопровожденіи шести бѣсенятъ. Кузнецъ встрѣтилъ ихъ, сидя подъ своимъ сливовымъ деревомъ.

— Здравствуйте, господа, привѣтствовать онъ всю ком-

панію. Я ждалъ васъ давно и, говоря по совѣсти, даже соскучился немного по васъ. Мнѣ теперь все надоѣло и я безъ всякаго сожалѣнія разстанусь съ жизнью. Мнѣ нужно только двѣ минутки, чтобы подписать духовное завѣщаніе и я готовъ, а пока, господа, не хотите-ли попробовать моихъ сливъ? Сливы, надо вамъ сказать, отѣвнныя, и мнѣ жалко оставлять ихъ здѣсь такъ, зря... Увѣренъ, что вы останетесь довольны, отведавъ ихъ.

Черти, по натурѣ своей большіе чревоугодники—не заставили просить себя во второй разъ. Они мигомъ взобрались на дерево, разсѣлись на его вѣтвяхъ и съ жадностью начали уписывать сочные плоды.

— Ева, соблазненная яблокомъ, замѣтилъ между прочимъ старый чортъ, была положительно дура. Сливыго-раздо вкуснѣе, и я понимаю, почему этотъ каналья, Несчастье, передъ смертью хочетъ нажраться ими.

Увлеченные великолѣпными сливами, черти и не замѣтили сравнительно продолжительнаго отсутствія кузнеца, между тѣмъ Несчастье не терялъ времени. Въѣто того, чтобы сѣсть за свое духовное завѣщаніе, онъ развелъ огонь въ горнѣ, раздулъ его какъ слѣдуетъ и началъ въ немъ калить длинную, острую пику. Раскаливъ ее до бѣла, онъ выскочилъ съ ней изъ кузницы и побѣжалъ къ сливовому дереву, на которомъ сидѣли черти, не чуя бѣды.

— Ага, закричалъ кузнецъ своему старому пріятелю, ты опять попался, какъ мальчишка. Ты думаешь, что моими сливами можно лакомиться такъ себѣ, зря? Нѣтъ, голубчикъ, онѣ очень дороги, очень дороги!

И съ этими словами онъ принялся колотить чертей раскаленной пикой. Черти визжали, ревѣли, метались по вѣтвямъ стараго дерева, прыгали, какъ только могутъ прыгать черти, но безжалостная пика находила ихъ всюду и вскорѣ всѣ они хоромъ взмолились и просили о пощадѣ.

— Эй, куманекъ, голубчикъ, ревѣлъ старый чортъ. Хочешь еще десять лѣтъ? Ладно, возьми еще десятокъ, только отпусти насъ на волю.

* * *

Прошло еще десять лѣтъ и Несчастье, наконецъ, пресытился жизнью. Волосы его посѣдѣли, лицо покрылось морщинами, легкомысліе смѣнилось глубокимъ раздумьемъ. Вернувшись въ свою кузницу онъ ждалъ чорта.

— Я здѣсь, сказалъ чортъ, появляясь на порогѣ кузницы, но на этотъ разъ уже не рѣшался войти въ комнату. Надѣюсь, на сей разъ ты не позволишь себѣ никакихъ шутокъ.

— У меня давно прошла всякая охота шутить, меланхолически отвѣчалъ Несчастье. Я хорошо понимаю, что мнѣ пришелъ конецъ. Хотя все-же у меня остается одно утѣшеніе: это сознаніе, что ты, хоть и чортъ, но оказался глупѣе человѣка, да и кромѣ того, я теперь твердо знаю, что ты не всесиленъ.

— Ты думаешь? спросилъ обидѣвшись чортъ. Мнѣ кажется, что я, осыпавъ тебя золотымъ дождемъ, достаточно доказалъ тебѣ мое всемогущество.

— Ну, это еще ровню ничего не значить, возразилъ кузнецъ съ презрительной усмѣшкой. Многие нажили миллионы, не заключая никакихъ договоровъ съ тобой и не продавая тебѣ своихъ душъ. Ты сумѣлъ насыпать вотъ въ этотъ кошелекъ миллионы, продолжалъ онъ, показывая чорту свой пустой кошелекъ, но я сильно сомнѣваюсь, что у тебя хватитъ умѣнья влѣзть въ него.

Съ этими словами онъ открылъ свой кошелекъ и съ презрительной усмѣшкой посмотрѣлъ на чорта.

При всей своей недовѣрчивости, чортъ самолюбивъ и терпѣть не можетъ, чтобы кто-либо сомнѣвался въ его всемогущества. Поэтому, онъ, забывъ всѣ прежніе уроки, съ важностью заявилъ:

— Ну, я докажу тебѣ сейчасъ, что я и это могу, заявилъ онъ, задыхаясь отъ бѣшенства, и однимъ прыжкомъ очутился въ кошелекѣ, который Несчастье немедленно закрылъ.

— Ну, что-же ты теперь, наконецъ, убѣдился? послышался голосъ чорта изъ кошелька.

— Конечно, конечно, посѣвшилъ ему отвѣтить кузнецъ, едва сдерживая смѣхъ. Влѣзть въ такой кошелекъ дѣйствительно штука не легкая, но я думаю вылѣзть изъ него еще труднѣе.

И, положивъ кошелекъ на наковальню, онъ взялъ въ руки тяжелый молотъ и началъ методически бить по кошелеку.

— Довольно! довольно! завопилъ чортъ. Ты хочешь еще десять лѣтъ? Ты ихъ получишь.

— Нѣтъ, отвѣчалъ кузнецъ, не переставая плющить кошелекъ, нѣтъ, не десять и не двадцать лѣтъ; я хочу, чтобы ты отказался совсѣмъ отъ нашего договора.

— Никогда! заревѣлъ чортъ, — когда нибудь ты устанешь бить молотомъ.

— Когда я устану, я отдохну, а ты посидишь въ кошелекѣ и будешь сидѣть до тѣхъ поръ, пока не откажешься отъ нашего договора.

И кузнецъ съ удвоеннымъ стараніемъ продолжалъ плющить кошелекъ. Привычныя руки кузнеца не уставали, положеніе было отчаянное и чортъ сдался.

* * *

Когда договоръ былъ разорванъ и чортъ, проклинавъ судьбу, покинулъ Несчастье,—бѣднякъ очутился опять въ прежнемъ положеніи.

Онъ попытался было вновь взяться за работу и вернуться къ той жизни, которую онъ велъ еще до встрѣчи съ чортомъ, но онъ былъ старъ, силы были уже не тѣ, привычка къ труду исчезла, рядомъ существовала кузница, въ которой работалъ молодой кузнецъ, и Несчастье не могъ заработать ни гроша. Кузница его развалилась, а старое сливовое дерево сломала буря.

Тогда Несчастье увидѣлъ, что и въ самомъ дѣлѣ ему пришелъ конецъ. Прихвативъ съ собой своего вѣрнаго друга Вѣдность, тоже уже едва волочившаго ноги, онъ отправился къ дверямъ Рая и началъ стучаться.

— Тукъ-тукъ.

Дверь приотворилась и въ ней показалось знакомое лицо старшаго путника.

— Кто ты такой?

— Святой угодникъ, отвѣчалъ Несчастье, я тотъ бѣдный кузнецъ, который однажды подковалъ для тебя мула...

— Я узнаю тебя: это ты тотъ Несчастный, который презрѣлъ мои совѣты, и вмѣсто того, чтобы просить Царствія Небснаго, связался съ самимъ чортомъ... Какъ хватило у тебя смѣлости постучаться въ эту дверь?... Проходи, тебѣ нѣтъ мѣста въ Раю.

— Я искуплю свой грѣхъ... застоналъ Несчастье. Но дверь уже захлопнулась. Тогда Несчастье снѣжь взялся за свои костыли и въ сопровожденіи все той-же Бѣдности пошелъ къ дверямъ Ада. Дверь Ада широко распахнулась передъ нимъ и черти кучей высыпали на

встрѣчу гостю; но едва они узнали въ немъ того самаго кузнеца, который такъ безжалостно мучилъ ихъ на деревѣ, они завопили не своимъ [голосомъ]. Старый чортъ, услыхавъ этотъ гвалтъ, появился самъ у дверей Ада.

— Какъ? это ты? закричалъ онъ, оскаливъ зубы. Ты являешься сюда, въ мое царство, чтобы опять надругаться надо мной? Вонъ, негодяй, — чтобы духу твоего не было здѣсь.

И двери Ада захлопнулись передъ носомъ ошеломленнаго Несчастья.

И вотъ почему, непринятыя Небомъ и отверженныя Адамъ, Несчастье и Бѣдность постоянно странствуютъ вмѣстѣ по лицу земли, тщетно стараясь отыскать собѣ кровь и кусокъ хлѣба.

* * *

День туманный
Настаетъ,
Мой желанный
Не идетъ.

Мгла вокругъ.

На порогъ
Я стою,
Вся въ тревогъ,
И пою.

Гдѣ-жъ мой другъ?

Холодъ вѣетъ,
Садъ мой пустъ,
Сиротѣтъ
Каждый кустъ.

Скучно мнѣ.

Распрощался
Ты легко,
И умчался
Далеко

На конѣ.

По дорогъ
Я гляжу,
Вся въ тревогъ,
Вся дрожу,—

Милый мой!

Дома стану
Слезы лить,
Въ сердце рану
Бередить.—

Богъ съ тобой!

Ведоръ Волобуѣ.

Союзъ архиваріуса Посудина.

Послѣ сытной трапезы сочельника, архиваріусъ Николай Никандровичъ Посудинъ разлегся на диванѣ и впалъ въ мечтательное состояніе. И, такъ какъ онъ прослужилъ канцеляріи безчисленное множество лѣтъ, то естественно мечты его сосредоточились на возможномъ для него юбилеѣ. Какой-же архиваріусъ не мечтаетъ о юбилеѣ...

Послѣднія мысли, проводившія его изъ міра дѣйствительности въ міръ грезъ, слагались изъ сладостнаго предвкушенія застольныхъ рѣчей и — боли въ боку, вслѣдствіе того, что старая отоманка, какъ ребра загнанной клячи, вывятила жесткія пружины и надавливала старческія кости юбиляра.

— Почтеннѣйшій Николай Никандрычъ! — говоритъ его превосходительство, немного заплетая языкомъ и дѣлая несоответствующія ударенія на словахъ. — Да, почтеннѣйшій, я прямо говорю, что изъ всехъ насъ здѣсь сидящихъ наиболѣе уважаемый, наиболѣе почтенный, безъ сомнѣнія, — вы. Сорокъ лѣтъ безвыходно просидѣли вы за однимъ и тѣмъ-же столикомъ и рука, подпиравшая въ минуты задумчивости вашу голову, оставила неизгладимые слѣды на дубовой его доскѣ. Тысячи и тысячи дѣлъ въ синихъ, красныхъ и зеленыхъ обложкахъ прошли черезъ ваши руки. Съ нѣжностью любящаго отца встрѣчали вы входящія, заносили ихъ въ книгу, укладывали въ шкапы, запирали на ключъ и бергли плуце зеницы ока. За сорокъ лѣтъ, почти полъ-столѣтія, вы такимъ образомъ пропустили черезъ свои руки радости, скорби, желанія, надежды нѣсколькихъ поколѣній, оставаясь безстрастнымъ свидѣтелемъ того, что волновало и вдохновляло окружающихъ васъ. Почтеннѣйшій Николай Никандровичъ, я горжусь тѣмъ, что состою начальникомъ учрежденій, дѣла которыхъ ввѣрены вашей охранѣ, т. е. я хотѣлъ сказать не сами дѣла, а дѣла, дѣла... ну вотъ тѣ, которыя въ обложкахъ...

Его превосходительство зарпортовался, но всѣ дружно закричали „ура“ и пошли чокаться съ его превосходительствомъ.

Вмѣстѣ съ этимъ пружина стараго дивана адски нажимала на большую печень, а другая между пятымъ и шестымъ ребромъ, затрудняя дыханіе.

Николай Никандровичъ одной стороною рта улыбался, а другая уже искривилась отъ назойливой, тупой боли.

Но тутъ случилось то, о чемъ никому никогда архиваріусъ Посудинъ не расскажетъ.

Кто-то тихонько отворилъ дверь и, едва шевеля ножками, приблизился къ дивану.

Николай Никандровичъ отъ удивленія и негодованія не могъ произнести слова.

Подошедшій съ непріятной улыбкой поклонился и поздравилъ Посудина съ юбилеемъ и пряжкой.

Первымъ движеніемъ Посудина было напаялить на себя праздничный мундиръ съ яркой ленточкой, на которой бросалась въ глаза золотая пряжка.

Тогда только Николай Никандровичъ въ состояніи

былъ отвѣчать, но отъ негодованія мысли его путались и слова съ трудомъ вылетали изъ стѣсненной груди.

— Проклятая пружина, — подумалъ Посудинъ.

— Послушайте, кто вамъ разрѣшилъ? — обратился онъ съ негодующимъ вопросомъ къ вошедшему. — Не разрѣшалъ я и ключи у меня въ карманѣ. Кто васъ выпустилъ?

— Почтеннѣйшій Николай Никандровичъ! Да, я смѣло могу сказать, почтеннѣйшій Николай Никандровичъ! — почтительно произнесъ вошедшій, отвѣщая рядъ мелкихъ поклоновъ и шаркая худенькими ножками.

— Почтеннѣйшій Николай Никандровичъ! Въ день вашего юбилея мы, всѣ, сговорившись, рѣшились въ первый и послѣдній разъ оказать вамъ неповиновеніе. Не считите, пожалуйста, нашъ поступокъ за неуваженіе къ вамъ, почтеннѣйшій Николай Никандровичъ! Только чувство безпредѣльной любви и благодарности къ вамъ за всѣ ваши попеченія о насъ побудили насъ нарушить полувѣковой порядокъ и явиться къ вамъ впервые на квартиру. Позвольте войти депутаціи.

Николай Никандровичъ не ушѣлъ согласиться или отказать, когда уже вся комната наполнилась поздравляющими.

Несмотря на изрядное количество вошедшихъ, порядокъ царилъ полный, и это обстоятельство очень смягчило неудовольствіе архиваріуса.

Снова заговорилъ вошедшій первымъ.

— Товарищи, почтеннѣйшій Николай Никандровичъ, выбралъ меня, какъ старѣйшаго, а потому наиболѣе опытнаго, принести вамъ наше сердечное поздравленіе отъ всѣхъ шкаповъ и отъ всѣхъ годовъ.

Николай Никандровичъ совсѣмъ размякъ, слушая „Дѣло № 1—186... года“. Это было то самое дѣло, съ котораго онъ началъ свою карьеру.

Худенькое на тонкихъ ножкахъ, въ полинявшемъ, истрепанномъ сюртукѣ, „Дѣло № 1—186... года“ напомнило ему многое, очень многое, далекое и мп-лое.

Пока „Дѣло № 1“ говорило тихимъ, немного хриплымъ, пискливымъ голоскомъ, Николай Никандровичъ слушалъ его и между словъ воскрешалъ день за днемъ, годъ за годомъ, всю свою жизнь.

Депутаціи отъ всѣхъ шкаповъ и отъ всѣхъ годовъ по три, по четыре въ рядъ окружили Посудина, расшаркивались и шуршали одна за другой пыльными поздравленіями. На одно мгновеніе жгучее безпокойство охватило аккуратнаго архиваріуса.

— А что, если плохо спитые листы разсыпятся или перемѣшаются!

Но у Николая Никандровича въ архивѣ „дѣла“ не могли быть плохо спитыми и старые, пожелтѣвшіе листы быстро, быстро лопотали, расшаркивались и, какъ въ шкапу, аккуратно отходили въ сторону, выравниваясь вплотную одинъ къ другому.

Безпокойство архиваріуса разсѣялось и онъ весь отдался волной нахлынувшимъ воспоминаніямъ. Только въ боку что-то надавливало и мѣшало дышать.

— Проклятая пружина! мелькнула и рассыпалась назойливая мысль.

— Почтеннѣйшій Николай Никандровичъ, да, почтеннѣйшій, могу я сказать смѣло, шуршалъ ораторъ отъ депутаціи 1874 года, шкапа XII, полки 3, и Посудина не удивляетъ, что всѣ депутаціи, какъ заученный урокъ, произносятъ одну и ту же фразу, расшаркиваются и отходятъ въ сторону.

— Благодарю васъ, благодарю, — говоритъ онъ время отъ времени, и самъ не узнаетъ своего голоса. Звонкій, юношескій, онъ такъ непохожъ на тотъ, которымъ Николай Никандровичъ говорилъ въ последнее время.

— Благодарю васъ, — повторяетъ онъ, стараясь произносить гласныя, какъ можно пѣвучѣе. „Какъ хорошо и какъ легко“, думаетъ счастливѣйшій архивариусъ, — если бы только не эта проклятая пружина...

— Почтеннѣйшій Николай Никандровичъ! — заговорилъ депутатъ 1872 года. — Да, въ этомъ году свершилось знаменательное событіе, — припоминалъ Посудинъ. — Я получилъ первый орденъ и женился. Мнѣ дали особую комнатку и поручили цѣлыхъ два шкапа съ дѣлами. Собственно говоря, только съ этого момента можно считать, что началась моя карьера.

Въ годъ поступленія въ канцелярію съ небольшою поддержкой одного маленькаго чиновника, приходившагося ему дальнимъ родственникомъ, шестнадцати-лѣтній Коля Посудинъ не мечталъ даже достигнуть такого благополучія.

— Въдъ вотъ, думалъ онъ, какой обѣдъ, сколько почета, и всѣ, какъ одинъ человекъ, величаютъ меня почтеннѣйшимъ. И эти, — окинулъ онъ благосклонно депутаціи, — собрались по собственному желанію, безъ всякаго съ моей стороны давленія и говорятъ, говорятъ, хорошо такъ говорятъ.

Въ первый годъ не легко было справиться съ работою.

Кровь молодая, кругомъ канцелярія гудитъ, волнуется, каждый тащитъ то докладную записку, то донесеніе, то объясненіе, а кто проектъ на сотняхъ страницъ.

Днемъ работаютъ нервно, запальчиво. Пишеть, пишеть, бывало, какой-нибудь этакій совѣтъ безусый даже, а потомъ вскочить, кулакомъ по столу — хлопъ! и пошла исторія. Одинъ заведетъ споръ, другой подхватитъ, раскричатся, изъ кабинета выйдетъ самъ начальникъ, ввяжется въ споръ и такъ заспорятся, что хоть водой ихъ разливай.

А Коля Посудинъ сидитъ въ уголкѣ, густо краснѣетъ отъ смущенія, понимаетъ не много, но сердцемъ чуетъ, гдѣ хорошо, а гдѣ дурно.

Какъ-то, набравшись смѣлости, — это было на третьемъ мѣсяцѣ службы, — Коля вставилъ свое слово и такъ неудачно, что всѣ окружающіе расхохотались.

— Молоко, тово, на губахъ-то молоко, — проворчалъ старшій писецъ и погрозилъ Колѣ пальцемъ, а послѣ службы пожаловался старшему чиновнику, протежировавшему Посудину. Долго послѣ этой неудачи Коля помнилъ скрипучую, колкую потацію.

— Не смотри на другихъ! Въдъ все это народъ шальной. Толку съ нихъ не выйдетъ, покричать, покричать и засохнуть. Я тебя не для того на государеву службу опредѣлилъ, чтобы ты всякія тамъ глупости разводилъ. Есть у тебя работа, такъ ты и работай. Нѣтъ работы, родителямъ напиши, въ церковь поиди, книжку пристойную прочитай...

Старый чиновникъ говорилъ, а Коля густо краснѣлъ и молчалъ.

— Что ты молчишь-то?

— Только подшивать? — проговорилъ тотъ дрогнувшимъ голосомъ.

— А тебѣ что же? Прожекты писать, съ генераломъ, можетъ быть, про Россію разсуждать? Подшивать, такъ подшивать, и не ропщи. Кто подшиваетъ хорошо, тотъ тоже далеко пойти можетъ, и чинами не обойдутъ и жалованье приличное.

Коля Посудинъ, благодаря своей застѣнчивости, скоро совладалъ съ порывами юношескихъ увлеченій и тогда больше въ споры не ввязывался.

Прошелъ первый годъ.

Много за годъ передѣлалось, но больше того написано. Какъ проливной дождь, летѣли со всѣхъ концовъ Россіи миллионы различныхъ наименованій бумажекъ, собралась въ петербургскихъ канцеляріяхъ, аккуратно подшивались одна къ другой и подъ опредѣленнымъ номеромъ цвѣтныхъ обложекъ занимали въ архивѣ мѣсто.

— Посудинъ, дайте дѣло № 354—65 года!

— Посудинъ, на пріемъ дѣло № 96 этого года.

И знаетъ Посудинъ всѣ дѣла не только по номерамъ, но даже по вѣшнему виду.

Дѣло № 96 записано было кривымъ, неаккуратнымъ почеркомъ и на самомъ видномъ мѣстѣ писецъ сдѣлалъ кляксу.

Конечно, не Посудинъ заводилъ это дѣло, и когда архивариусъ накинулся на него, полагая, что клякса сдѣлана имъ, то Коля не безъ нѣкотораго торжества заявилъ, что дѣло взято изъ шкапа № 8, а его дѣла въ шкапу № 4 и потому онъ не виноватъ.

Всякій разъ, когда подается дѣло № 96, Посудинъ вспоминаетъ, какъ онъ хорошо отвѣтилъ тогда архивариусу.

А вотъ дѣло № 354 въ зеленой обложкѣ тѣмъ интересно, что, передавая его начальству, Коля знаетъ навѣрное, какую физиономію скорчить тотъ и произнесетъ всегда одно и тоже слово.

— Да-съ, дѣльце!

Прошло нѣсколько лѣтъ и поле дѣятельности Коли Посудина все болѣе и болѣе расширилось. Отъ одного шкафа онъ перешелъ къ двумъ, а тамъ вскорѣ и третій былъ присоединенъ.

Быстро протекали однообразные дни, и незамѣтно для себя Коля Посудинъ обратился въ Николая Никандровича.

Но, не смотря на нѣкоторую вѣшнюю переираву, онъ оставался все тѣмъ же застѣнчивымъ, безсловеснымъ аккуратнымъ чиновникомъ.

Онъ давно уже не бралъ иглы въ руки, предо-

ставляя болѣе молодымъ товарищамъ прошивать бумагу.

Теперь на его обязанности было слѣдить за порядкомъ въ шкафахъ, чтобы всѣ дѣла находились на своихъ мѣстахъ, и онъ съ любовью каждый день провѣрялъ шкафы, полки и отдѣльные дѣла.

— Безъ васъ, Посудинъ, сказалъ какъ то начальникъ отдѣленія, мы, какъ безъ правой руки.

И вскорѣ же представили его, не въ примѣръ прочимъ, къ денежной награждѣ, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ на мѣсто умершаго помощника архиваріуса назначенъ былъ тотъ же Коля Посудинъ. Тутъ Николай Никандровичъ Посудинъ окончательно разрѣшилъ, отвлекавшій его отъ дѣлъ, вопросъ о женитьбѣ. Вопреки пословицѣ, ничто не измѣнилось въ Посудинѣ, и дома и въ канцеляріи онъ оставался все тѣмъ же. Къ семидесятымъ годамъ, впрочемъ, надвинулись и на него тучки.

Въ канцелярію былъ назначенъ какой-то злобный начальникъ изъ отставныхъ военныхъ, не взлюбившій почему-то Николая Никандровича и чуть было не испортившій ему всю карьеру.

— Все молчитъ, все молчитъ, чортъ бы его побралъ! ворчалъ начальникъ.— Не люблю, кто молчитъ. За пазухой камень бережетъ!

— Позвольте вамъ доложить! радостно засюсюкалъ подкапывавшійся подъ Посудина сослуживецъ.

— Молчать,—гаркнулъ начальникъ, багровѣя всѣмъ своимъ пухлымъ лицомъ. Молчать, чортъ васъ возьми. Терпѣть не могу, когда смѣютъ разговаривать.

Посудинъ сталъ еще серьезнѣе и еще, если это только было возможно, аккуратнѣе.

Начальникъ брюзжалъ, ругался, жаловался въ высшія инстанціи, а потомъ неожиданно проворовался и попалъ въ тюрьму.

Канцелярія свободно вздохнула и не жалѣла злыхъ словъ по адресу ушедшаго самодура.

Одинъ только Посудинъ съ достоинствомъ молчалъ, но, возвращаясь домой, зашелъ въ лавку и купилъ на двугривенный бѣлыхъ мятныхъ пряниковъ, подарокъ женѣ, что онъ дѣлалъ обыкновенно только по праздникамъ.

— Почтеннѣйшій Николай Никандровичъ! Да, я смѣло могу сказать почтеннѣйшій! шуршалъ депутатъ отъ 1881 г. и холодный потъ вдругъ выступилъ на лбу Посудина.

Онъ успѣшилъ поблагодарить депутата и протянулъ руку къ слѣдующему.

Замелькали, заторопились на худенькихъ ножкахъ пузатенькія дѣла, окружили Николая Никандровича и на разные лады приплясывая, притопывая, затянули хоромъ.

— Почтеннѣйшій, почтеннѣйшій! Въ то время Николай Никандровичъ былъ уже не первой молодости съ солиднымъ брюшкомъ и блестящей лысиной, чиновникомъ на должности архиваріуса.

Къ нему въ комнату долетали смущенные, сонные голоса тысячей молодыхъ и старыхъ чиновниковъ.

Бывало, и споры завязнутся о различныхъ предметахъ. Говорили больше о божественномъ и о подвигахъ

древнихъ князей. Николай Никандровичъ, вѣрный себѣ, ни въ какіе разговоры не вступалъ. Теперь у него была большая работа.

Шутка сказать! Весь архивъ съ „Дѣлами“ за нѣсколько десятковъ лѣтъ.

И отъ шкапа къ шкапу, отъ года къ году переходить Николай Никандровичъ, журить молодыхъ писцевъ, если неясно и не красиво надписи дѣлаютъ, а сторожей—если пылинку гдѣ замѣтитъ.

И ему казался такимъ простымъ и естественнымъ этотъ юбилейный обѣдъ, эти высокопарныя рѣчи и сладчайшія похвалы.

— Ахъ,—думалъ Николай Никандровичъ,—недаромъ жизни то прожилъ, сколько дѣлъ черезъ мои руки прошло!...

— Почтеннѣйшій Николай Никандровичъ! Да, я смѣло могу сказать, почтеннѣйшій, гудѣли голоса депутатовъ, кружившихся теперь по всей комнатѣ въ какомъ то бѣшеномъ танцѣ.

Николай Никандровичъ не въ силахъ ихъ удержать, не можетъ имъ крикнуть, дыханіе сперлось въ груди и сердце бьется мучительными переборами. А торжествующая пружина дерзко вылѣзла подъ пятое ребро, прислушивается къ первому биенію сердца и ждетъ, когда старый архиваріусъ дослушаетъ послѣдняго депутата.

Зміи.

Святочные гаданія о суженомъ въ Вологодской губерніи.

Крестьянскія дѣвушки въ Кадниковскомъ уѣздѣ начинаютъ мечтать и думать о „суженомъ“ очень рано, когда же имъ исполнится лѣтъ 15—16, то онѣ, такъ сказать, получаютъ право гадать о суженомъ и о свадьбѣ.

Дѣвушку, конечно, интересуетъ прежде всего вопросъ: выйдетъ ли она въ этомъ году замужъ, какъ зовутъ суженаго, вдовый онъ или холостой, богатый онъ или бѣдный, въ которой сторонѣ онъ живетъ, велика ли у него семья, какова свекровь и т. д., и т. д.

Изъ распросовъ мнѣ удалось ознакомиться съ многими дѣвичьими гаданіями и я рѣшаюсь рассказать ихъ читателю.

Гаданія начинаются съ кануна Рождества Христова (24 декабря), какъ только появятся на небѣ звѣзды, и продолжаются до 6 декабря.

Чтобы узнать, **выйдетъ или нѣтъ въ этомъ году замужъ**, существуетъ нѣсколько гаданій: ходятъ вечерами къ изямъ слушать подъ окна, если услышатъ веселый разговоръ, смѣхъ, пѣсни—проживешь годъ весело, богато, услышишь о свадьбѣ, суженомъ—жди вѣнца, а если услышишь въ избѣ что нибудь грустнаго, слезы—жди въ этомъ году несчастія, горя и если услышишь что нибудь о покойникахъ, смерти, гробѣ—умрешь.

Мнѣ передавали, что нѣкоторые крестьяне, какъ услышатъ, что къ ихъ окну подошла гадальщица, нарочно начинаютъ говорить о свадьбѣ, употребляя чаще: „вѣнецъ“, „свадьба“, „суженый“ и т. п. желанныя слова для гадальщицы.

Съ этою же цѣлью поздно вечеромъ въ селахъ дѣвицы ходятъ слушать на церковную паперть. Увѣряютъ, что нѣкоторыя гадальщицы слышали въ пустой церкви пѣніе:

„Исаіе ликуй“, конечно предвѣщаетъ свадьбу, а „Святый Боже“, „Со святыми упокой“ и „Вѣчная память“ предвѣщаютъ гадальщицѣ смерть. На это гаданіе рѣшаются не многія изъ дѣвицъ, а только самыя смѣлыя, потому что пройти вечеромъ по кладбищу къ церкви, когда среди крестьянъ распространена цѣлая масса сказокъ про чертей, злыхъ духовъ и про покойниковъ, рѣшаются очень не многія.

Съ этою-же цѣлью дѣвушка выбираетъ ровный, т. е. безъ всякихъ слѣдовъ, слой снѣга, ложится въ него правымъ бокомъ и затѣмъ черезъ спину поворачивается на лѣвый бокъ и встаетъ. Если ея слѣдъ будетъ показывать одну или три головы—не къ добру, а двѣ головы—жди вѣнца.

Вечеромъ подъ Васильевъ день (31 декабря) дѣвушка идетъ въ хлѣвъ и поясомъ перевязываетъ корову, а рано утромъ на слѣдующій день, пока еще никто изъ домашнихъ не побывалъ въ хлѣву, гадающая спѣшитъ въ хлѣвъ посмотреть, какъ стоитъ корова: если она стоитъ головой къ воротамъ, къ выходу—свадьба, а задомъ стоитъ, тогда еще годъ, а можетъ быть и нѣсколько лѣтъ ей придется „сидѣть въ дѣвкахъ“.

На ночь вывѣшиваетъ дѣвица за окно гребень, говоря: „суженый ряженный, приходи ко мнѣ голову чесать!“ При этомъ старается вывѣсить гребень такъ, чтобъ никто изъ домашнихъ не зналъ о ея гаданіи. На утро она смотритъ гребень: если въ гребнѣ есть нѣсколько волосиковъ, то она въ этомъ году выйдетъ замужъ и такого цвѣта волосы будутъ у суженаго.

Въ гаданіи, которая изъ дѣвицъ выйдетъ замужъ ранѣе, участвуетъ нѣсколько дѣвицъ. Каждая изъ гадающихъ кладетъ на полъ горсть овса и въ середину грудки зарываетъ кольцо, снятое съ руки. Эти грудки устраиваются кругомъ и въ середину круга приносится съ насѣста пѣтухъ. Разбуженный пѣтухъ сначала нѣсколько походитъ около грудокъ, какъ-бы выбирая, который овесъ лучше и затѣмъ начнетъ клевать изъ которой нибудь грудки. Чье первое кольцо пѣтухъ выброситъ изъ овса—та дѣвица и выйдетъ въ замужество первую изъ гадающихъ.

Чтобъ узнать, суженый будетъ холостой или вдовый, существуетъ такое гаданіе: гадальщица подходитъ къ частоколу, раскинетъ руки саженью и, отмѣтивъ колья—съ котораго до котораго достанетъ руками, перебирая въ этомъ пространствѣ кольца, говоритъ: „вдовецъ, молодецъ!“ которое слово достанется послѣдному колу, такой и будетъ женихъ.

Чтобъ знать, суженый богатъ или бѣденъ, есть два гаданія. При одномъ гаданіи дѣвушка отправляется слушать къ амбару; если ей услышится, что хлѣбъ пересыпается—суженый богатый, съ достаткомъ, а если услышится, что не хлѣбъ пересыпается, а заматаютъ въ сусѣкахъ или метутъ полъ—не богатый, бѣдный. Для второго гаданія дѣвица идетъ къ овину и, отворивъ дверь, она оголяетъ сѣдалищную часть, поворачивается задомъ къ двери и наклоняется; при этомъ произносятся какіе-то слова. Увѣряютъ, что овинникъ, если суженый будетъ богатый, проведетъ по тѣлу рукой мягкой въ шерсти, а если суженый бѣдный, то или проведетъ по тѣлу жесткой рукой или же гадающую кольнетъ.

Чтобъ узнать имя суженаго, дѣвица выходитъ на улицу и замѣчаетъ, кого встрѣтитъ; если первую встрѣтила женщину, то въ этотъ годъ не выйдетъ замужъ, а если мужчину встрѣтитъ—то выйдетъ и суженаго будутъ звать также какъ и встрѣчнаго. Если встрѣтился незнакомый—спрашиваютъ о его имени. Нѣкоторыя гадальщицы для этого гаданія берутъ изъ дому небольшую чашку съ горячей, только что сваренной кутьей или кашею и идутъ съ нею на улицу, конечно, скрывъ чашку подъ фартукомъ или полою шубы и кидаютъ кутью или кашу въ лицо перваго встрѣчнаго мужчины.

О пригожествѣ или уродствѣ суженаго судятъ по полѣну. Подходить дѣвица къ полѣнницѣ или съ завязанными глазами или же задомъ и съ зажмуренными глазами и бе-

реть первое попавшееся полѣно; если полѣно попало гладкое, ровное— женихъ красивый, молодой, а если полѣно неровное, суковатое—женихъ некрасивъ, уродъ, старикъ. Или какъ, и при гаданіи „вдовецъ, молодецъ!“ замѣчаютъ, сколько колець можно захватить руками и затѣмъ считаютъ эти кольца. Съ этою же цѣлью берутъ горсть соломы и считаютъ соломинки. Если окажется четное число, то будущій мужъ будетъ красивый, не четное—напротивъ.

Чтобъ узнать, въ которой сторонѣ живетъ суженный, дѣвушка выходитъ на перекрестокъ дороги и слушаетъ, не залаетъ ли гдѣ нибудь собака или не зазвенитъ ли въ которой нибудь сторонѣ колокольчикъ—въ той сторонѣ и живетъ суженный. Если же не слышать ни лая собакъ, ни звона колокольчика, то гадающая на перекресткѣ дорогъ кружится до тѣхъ поръ, пока не свалится и куда упадетъ головой, въ той сторонѣ и придется ей жить „съ милымъ“. Съ этою же цѣлью нѣкоторыя дѣвушки кидаютъ черезъ голову башмакъ съ ноги. Въ этомъ случаѣ носокъ башмака указываетъ, съ которой стороны ей ждать суженаго.

Чтобы узнать сколько членовъ въ семьѣ въ которой придется жить по выходѣ замужъ, дѣвушка беретъ горсть т. е. сколько можетъ захватить въ руку, соломы и кидаетъ ее въ потолокъ; число застрявшихъ въ щеляхъ потолка соломинокъ и показываетъ какъ велика будущая семья гадальщицы.

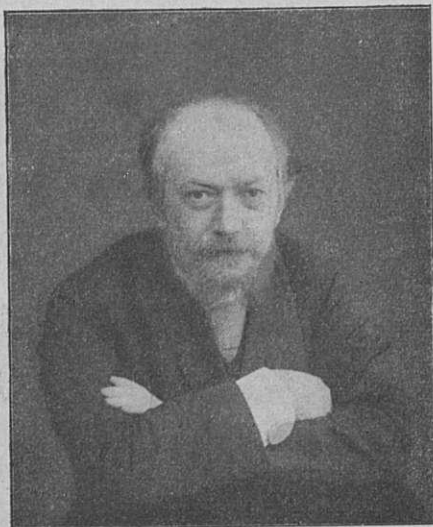
Чтобы видѣть суженаго, существуютъ такія гаданія: дѣвушка въ пустой избѣ ставитъ два зеркала, одно противъ другого, и передъ зеркаломъ, въ которое она будетъ смотреть, зажигаетъ двѣ свѣчи. При этомъ гаданіи непремѣннымъ условіемъ считается, чтобы въ избѣ, кромѣ гадающей, никого не было и затѣмъ чтобъ смотреть въ зеркало пристально и по возможности не мигая. Передъ гаданіемъ произносятся какія-то заклинанія. Другое гаданіе происходитъ въ крещенскій сочельникъ во время вечерни или же въ самый день Богоявленія; когда всѣ домашніе уходятъ въ церковь, дѣвушка настигаетъ на столъ чистую скатерть, затѣмъ кладетъ напеченные пироги, придвигаетъ къ столу скамейку и садится за столъ, приглашая суженаго раздѣлить съ нею трапезу. Говорятъ, что иногда суженый приходитъ, садится на приготовленное для него мѣсто; когда гадающая дѣвушка вдоволь насмотрится на него, она чурается, т. е. говоритъ: „чуръ меня, чуръ!“ и быстро встаетъ изъ за стола. Нѣкоторыя при этомъ будто бы виѣпляются руками въ одежду суженаго и по словамъ крестьянъ, „нечистый“, бывший въ видѣ суженаго, быстро исчезаетъ, оставивъ въ рукахъ гадающей лоскутъ отъ своей одежды.

Чтобъ видѣть суженнаго во снѣ, дѣвушка должна ложиться спать не помолившись и снявъ съ шеи крестъ. Она кладетъ подъ подушку гребень и приглашаетъ „суженнаго ряженнаго“ придти, чтобъ она причесала ему голову, или же она съѣдаетъ щепоту соли и подъ подушку кладетъ изъ спичекъ или лучинокъ подобіе сруба колодца и при этомъ говоритъ: „суженный—ряженный, приходи на колодецъ воды черпать, да меня напоить“!

Очень большую роль въ жизни «молодухи» играетъ свекровь и, конечно, многимъ дѣвушкамъ хочется знать зранѣе, смиренная и добрая будетъ у нея свекровь или же злая и ворчливая. Для этого гадаютъ такъ: на середину сковороды кладутъ камень и на него немного кудели, затѣмъ на сковороду наливаютъ воды, зажигаютъ куделю и сковороду закрываютъ горшкомъ. Если вода тихо, безъ шума будетъ набираться въ горшокъ—свекровь будетъ тихая, добрая, а если вода будетъ набираться скоро и съ шумомъ—свекровь злая, сварливая.

П. Д. Орскій.

Н. И. ПОЗНЯКОВЪ,
къ 25-лѣтію литературной дѣятельности.

Я болень.

(Н. И. Новоселовой).

*Я болень?... Да! Мнѣ все твердятъ...
Но боль моя мнѣ такъ прекрасна,
Такъ сладко льетъ мнѣ въ сердце ядъ
И такъ безропотна, безгласна...*

*Она — амврозій для души,
Блескъ солнышка для мрачной мысли,
Когда во тьмѣ ночной тиши
Мнѣ думы тучами нависли;*

*Когда тѣснитъ за мечтой
Мечта въ душѣ моей усталой,
И въ сердцѣ мнѣ восторгъ живой
Подъѣмлетъ вихремъ духъ мой вялый;*

*Когда волшебная струя
Мнѣ въ грудь вливается волною:—
Какъ счастливъ въ эти ночи я,
Блаженство въ эти дни какое!...*

*И жадно пью я сладкій ядъ,
Его бездонной чашей мѣрю—
И върю, безгранично върю:
Не болень я!.. Пусть ихъ твердятъ.*

Н. Позняковъ.

ВОЙНА.

Усилія японцевъ взять Портъ Артуръ поистинѣ заслуживаютъ удивленія. Потери, которыя они несутъ при каждомъ новомъ штурмѣ, не только не умѣряютъ ихъ пылъ, а какъ бы обостряютъ. Подвозя подкрѣпленія за подкрѣпленіями, они съ упорствомъ стремятся отбивать у защитниковъ крѣпости небольшія позиціи, теряя при этомъ несообразное число людей. „Занявъ высоту въ 203 метра“, японцы ежедневно оповѣщали міръ о разрушеніяхъ принимаемыхъ ими крѣпости съ этой высоты. Но потомъ извѣстія эти перестали получаться, и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ частныхъ источниковъ появились свѣдѣнія, что „холмъ въ 203 метра“ обратно взятъ русскими. Но со стороны японцевъ подтвержденія этому нѣтъ.

Въ послѣдніе дни осаждающая армія проявила значительную дѣятельность между „высотой въ 203 метра“ и Голубиной бухтой. Занявъ здѣсь нѣсколько холмовъ, неприятель стремится укрѣпиться, чтобы имѣть возможность высаживать здѣсь войска и выгружать боевые и проч. припасы. Кромѣ того эти позиціи приближаютъ расположеніе японцевъ къ Ляотешану, путь къ которому, по ихъ словамъ, они намѣрены отрѣзать осажденнымъ.

На своемъ лѣвомъ флангѣ неприятель, опять таки по извѣстіямъ, идущимъ изъ японскаго источника, подвелъ мину подъ сѣверный фортъ Кикваншанъ (Кикуанъ) и, взорвавъ ее, проникъ и занялъ самый фортъ, расположенный внѣ главной линіи обороны.

Взятіе этого форта обошлось японцамъ очень дорого и изъ числа убитыхъ 80% погубило подъ ударами русскаго штыка.

Послѣ этого генераль Ноги, раненный въ этой битвѣ, потребовалъ и получилъ, будто бы изъ Японіи подкрѣпленіе въ 20000 новобранцевъ. Съ новыми силами осаждающіе набросились на долговременные форты—Итцшанъ, Эрлуншанъ и др., выставивъ противъ нихъ 200 орудій; два раза повторялся штурмъ, но оба раза неприятель былъ отбитъ съ громадными потерями. Огонь русскихъ пулеметовъ, проволочныя загражденія и рвы, наполненные водой—вотъ тѣ преграды, которыя встрѣтили японцы на своемъ пути и которыя заставили ихъ отказаться и на этотъ разъ завладѣть нашими твердынями. Но они не унываютъ и оповѣщаютъ міръ о предстоящемъ новомъ большомъ штурмѣ крѣпости, который они намѣрены произвести въ день нашего праздника Рождества Христова.

Конечно на войнѣ, какъ на войнѣ—все зависитъ отъ обстоятельствъ. Можно напасть на неприятеля и въ день его большого праздника и даже имѣть на это свои расчеты, но за 10 дней объявлять о предстоящемъ штурмѣ именно въ этотъ день могутъ лишь враги, обозленные неудачами и незнающіе уже чѣмъ насолить врагу. Черта далеко несимпатичная, но, впрочемъ, въ характерѣ нашего врага.

Пока же наступитъ время для заранѣе объявленнаго „большого штурма“, предшествующіе до 9 декабря включительно, даже по словамъ лондонскихъ газетъ „кромѣ огромныхъ потерь убитыми и ранеными, оставили въ рукахъ побѣдоноснаго гарнизона нѣсколько скорострѣльныхъ орудій и 300 ружей“.

Отброшенные до кладбища, японцы удержались тамъ нѣкоторое время подъ губительнымъ огнемъ русскихъ орудій. Такъ пишетъ корреспондентъ „Daily Telegraph“ Беннетъ Бурлейгъ, добавляя, что изъ отряда въ 500 человекъ спаслись немногіе.

Всѣ эти неудачи начинаютъ уже дѣйствовать и на японскія газеты, настраивая ихъ на пессимистическій ладъ. Онѣ говорятъ о тяжести новыхъ налоговъ и особенно 15% на рисъ. „Что же станеть съ несчастнымъ народомъ, если правительство осуществить еще и другой свой проектъ относительно обложенія привознаго риса высокой таможенной пошлиной?“

Газета „Gidai“ начинаетъ уже жаловаться на друзей.

В. СВАРОГЪ.
Въ сочельникъ.

„Потоки японской крови проливаются главнымъ образомъ съ цѣлю расширить и упрочить англійскую и американскую торговлю въ Манчжуріи. Создавъ изъ десятковъ тысячъ загубленныхъ жизнью ключъ къ воротамъ Манчжуріи, японскій народъ осужденъ теперь съ опущенными руками лицезрѣть, какъ американцы и англичане пожинаяютъ плоды, ими не посѣянные, не жертвуя ни однимъ долларомъ, ни однимъ человѣкомъ“¹⁾).

Жаль, очень жаль, что эти благоразумныя рѣчи ведутся японской газетой съ запозданіемъ всего на 10—11 мѣсяцевъ.

Услужливое агентство Рейтера спѣшитъ оповѣстить міръ о спѣшной мобилизаціи запаса въ Японіи „для доведенія наличности арміи маршала Оямы до полумилліона и значительнаго усиленія ее артиллеріей“.

Изъ приказа микадо, въ которомъ онъ благодаритъ адм. Того и всю японскую эскадру за выполненное порученіе, можно усмотрѣть, что нашему противнику, дѣйствительно, удалось сдѣлать порть-артурскую эскадру неспособной къ дѣйствию и даже къ выходу въ море. Очевидно и „Севастополь“, какъ объ этомъ доносилъ адм. Того, приходится считать выведеннымъ изъ строя. Восемь миноносцевъ, которые, по послѣднимъ извѣстіямъ, ушли изъ

Порть-Артура неизвѣстно куда, вѣроятно направились во Владивостокъ. Уходитъ этотъ стальной возможный послѣ того какъ флотъ адмирала Того отошелъ, какъ говорятъ, чиниться въ Сасебо, подготавливаясь къ встрѣчѣ эскадры адмирала Рожественскаго. Передовой отрядъ миноносцевъ подъ командой адмирала Уриу избралъ себѣ базой островъ Формозу и курсируетъ въ Зондскомъ и Малаккскомъ проливахъ, имѣя цѣлю захватывать угольщики нашей эскадры и подготовить встрѣчу своего флота съ нашимъ.

Мѣсто нахождения эскадры адмирала Рожественскаго, равно какъ отряда адмирала Фалькерзама, достовѣрно еще неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ они еще далеки отъ мѣста пребыванія японскаго передового отряда. Встрѣча едва ли можетъ произойти ранѣе половины января.

На Манчжурскомъ театрѣ войны затишье прерывается лишь отдѣльными стычками между передовыми отрядами на крайнихъ флангахъ. Были попытки со стороны японцевъ продвинуться изъ Хуанженсяня на Синминтинъ, угрожая обходомъ нашему лѣвому флангу, но они были отбиты. Стычки авангардовъ у с. Баньяпудзы и вблизи желѣзнодорожнаго моста на р. Шахэ имѣютъ лишь значеніе развѣдокъ.

¹⁾ „Бирж. вѣдом.“ № 648.

Въ слѣдующемъ (№ 1-мъ 1905 г.) между прочимъ будутъ помѣщены 10 собственноручныхъ рисунковъ поэта М. Ю. ЛЕРМОНТОВА съ замѣткой къ нимъ К. Н. ЛЬДОВА.

Начало романа „Шантерэнь“ помѣщено въ „Ежемесячныхъ литературныхъ приложеніяхъ“ къ журналу „Живописное Обозрѣніе“ за Январь и Февраль 1904 г. (изд. администраціи по дѣламъ Д-ра РАММА).

Къ № 37-му 1904 г. приложенія не было.

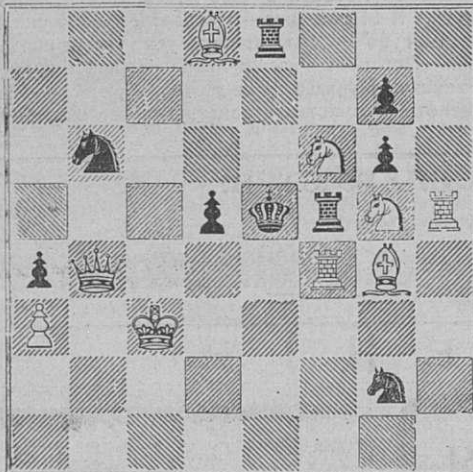
ШАХМАТЫ.

Подъ редакцію З. Б.

Задача № 5.

D. Lamououx.

черныхъ 9 фигуръ.

бѣлыхъ 9 фигуръ.

Бѣл. Кр. с3, Ф б4 Л f4, h5 К f6, g5 С d8, g4.

Пѣшка а3.

Чер. Кр. е5 Л е8, f5 К b6, g2.

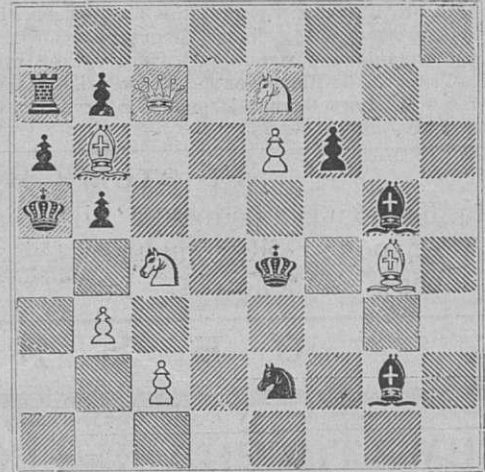
Пѣшки а4, d5, g6, g7.

Матъ въ 2 хода.

Задача № 6.

Max Feigl.

черныхъ 9 фигуръ.

бѣлыхъ 9 фигуръ.

Бѣл. Кр. а5 Ф с7 С b6, g4 К с4, е7.

Пѣшки b3, с2, е6.

Чер. Кр. е4 Л а7 С g2, g5 К е7.

Пѣшки а6, b5, b7, f6.

Матъ въ 3 хода.

Некрологъ.

29-го ноября 1904 г. скончался въ С.-Петербургѣ одинъ изъ извѣстныхъ русскихъ шахматистовъ Эммануилъ Степановичъ Шифферсъ. Покойный родился въ С.-Петербургѣ въ апрѣлѣ 1850 года, Э. С. 16 ти лѣтъ отъ роду научился играть въ шахматы. Въ 1875 году онъ взялъ 1-ый призъ на турнирѣ гандикапъ. Въ 1875 году онъ получилъ 6-ой призъ на международномъ турнирѣ въ Гастинскѣ при чемъ выше его стали гг. Пильсбери, Чигоринъ, Ласкеръ, Таррашъ и Стейницъ. Почти на всѣхъ международныхъ турнирахъ, гдѣ участвовалъ Э. С., если

оставался за флагомъ то получалъ спеціальныя призы. На всероссійскихъ турнирахъ въ Москвѣ въ 1899 г. и въ 1901 г. онъ взялъ 2-ой призъ. Только на 3-емъ всероссійскомъ турнирѣ въ Кіевѣ въ 1903 г. онъ остался безъ приза. Э. С. составилъ переводы руководства Дюфрени и здраваго смысла въ шахматахъ Э Ласкера. Э. С. былъ некоторое время редакторомъ „Шахматнаго Журнала“ и завѣдывалъ отдѣлами въ газетахъ и журналахъ (Нива, Петербургская газета и др.). Весною 1904 г. онъ былъ избранъ Почетнымъ членомъ С.-Петербургскаго Шахматнаго Собрания.—Ниже приводимъ одну изъ наиболѣ интересныхъ его партій.

Партія № 7.

Играна на турнирѣ въ Франкфуртъ на Майнѣ въ 1887 г.

Э. С. Шифферсъ
(бѣлые)

1 e2—e4 e7—e5
2 K g1—f3 K b8—c6
3 C f1—c4 C f8—c5
4 c2—c3 K g8—f6
5 d2—d4 e5 : d4
6 c3 : d4 C c3—b4+
7 C c1—d2 C b4 : d2+
8 K b1 : d2 d7—c5
9 e4 : d5 K f6 : d5

Итальянская.

10 Ф d1—b3 K c6—e7
11 O—O O—O
12 Л f1—e1 c7—c6
13 a2—a4 Ф d8—c7¹⁾
14 Л a1—c1! K d5—f4
15 K f3—g5!²⁾ K e7—g6
16 Л e1—e8!!³⁾ Л f8 : e8⁴⁾
17 C c4 : f7+ Kp. g8—h8⁵⁾
18 C f7 : e8 K f4—e2+

М. Гармонистъ
(черные)

19 Kp. g1—h1 K e2 : e1
20 K g5—f7+ Kp. h8—g8
21 K f7—h6+ Kp. g8—f8
22 Ф b3—g8+ Kp. f8—e7
23 C e8 : g6!⁶⁾ h7 : g6⁷⁾
24 Ф g8 : g7+ Kp. e7—d8
25 Ф g7—f8+ Kp. d8—d7
26 K d2—e4!⁸⁾ Ф c7—d8!⁹⁾
27 Ф f8—d6+ Kp. d7—e8
28 K e4 : f6+ сдались

Примѣчанія:

- ¹⁾ 13 Ф b6 лучшее продолженіе.
²⁾ Начало блестящее проведенной атаки.
³⁾ Совершенно правильный, далеко рассчитанный, красивый маневръ.
⁴⁾ Если бы черные видѣли далекую блестящую комбинацію они могли 16 C e6 съ потерей пѣшки ее предать ратъ.
⁵⁾ На 17 Kp. f8 K h7+Kp. e7 19 Л e1 + C e6!
20 Л e6 : + Kp. d7 21 Л e8 : + Л e8 : 22 Л e8 : Kp. e8 :
23 Ф g8+ Kp. d7 24 Ф g7 : + и т. д.
⁶⁾ Сильнѣйшее продолженіе.
⁷⁾ Черные не могутъ брать коня изъ за 24 Ф f7+
⁸⁾ Тонкое окончаніе.
⁹⁾ Потеря ферзъ или матъ неизбежны. 26 b6
27 Ф g7+ Kp. d8 28 K f7+ Kp. c 29 K fd6+Kp. d8

30 Ф f8+ Kp. d7 31 Ф e8× если же 26 Kp. e6 то 27 K g5+ Kp. d7! 28 Ф g7+ Kp. d8 29 K gf7+ и т. д.

За эту партію Э. С. Шифферсъ получилъ спеціальныя призы, какъ за самую красивую всего турнира.

Рѣшенія задачъ №№ 1 и 2. № 1 K. Moll 1) C c2 dc2 K f2.
3) d4×
1. Kp. e4 : 2 Kp. e6
3 K f2×
№ 2 F. van Dijk 1) Л a3 C : Л
2 Ф b8×
....c3 2 Ф c1×

Адресъ Laskers chess Magazne, Morton Building, Room 1120, 116 Nassau street, New-York. Подписная цѣна для Европы 13 шиллинговъ ежегодно.

Редакторъ-издатель и. н. ПОТАПЕНКО.

СОДЕРЖАНІЕ: На родинѣ Христа. Стихот. К. Льдовъ.—Золотой вѣкъ. И. Потапенко.—Когда же будетъ Рождество? съ иллюстр. Т. Щепкина Куперникъ.—Двѣ жизни. Разказъ съ иллюстр. И. Потапенко.—Несчастье и Бѣдность. Съ французскаго съ иллюстр. Жакъ Мериберъ.—Стихотвореніе. **Ведеръ Сологубъ**—Сонъ архивариуса Посудина. **Змій**—Святоточныя гаданія о суженомъ въ Вологодской губерніи. П. Д. Орскій.—Портретъ—къ 25 лѣтію Н. И. Познякова.—Я боленъ. Стихот. Н. Позняковъ.—Война.—Шахматы.—Объявленія. Рисунки: Мурильо. Рождество Христово.—Тиціанъ. Рождество.—М. Лукъ Оливье Мерсонъ. Бѣгство въ Египетъ.—Ж. Стевенсъ. Несчастье странствующаго шарманщика.—В. Сварогъ. Въ сочельникъ.

Къ этому номеру прилагаются:

- 1) Декабрьская книжка «Дѣтскаго Журнала».
- 2) Альбомъ «Живописнаго Обозрѣнія» 1904 г. на библейскія темы. 12 рисунковъ въ обложкѣ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

Дополненіе обыденной суточной пищи малыми количествами

ГЕМАТОГЕНА Д-РА ГОММЕЛЯ

вызываетъ у дѣтей всѣхъ возрастовъ и у взрослыхъ

быстрое улучшение аппетита; быстрое поднятіе силъ; укрѣпленіе нервной системы. Имѣется во всѣхъ аптекахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. Главное дѣло для Россіи: В. Охтенская Аптека, Отд. „Гематогенъ“ СПб. **Остерегайтесь поддѣлокъ! Тѣбуйте настоятельно гематогенъ „Д-ра ГОММЕЛЯ“.** Тысячи врачей всѣхъ странъ дали блестящіе отзывы.

ПОРТРЕТЪ

А. П. ЧЕХОВА,

помѣщенный въ № 40 можно выписывать изъ конторы. Цѣна за экз. 50 к. съ перес. (можно почтовыми марками).

**ОБРАТИТЕ
ВНИМАНИЕ.**

ИЗЯЩНОЕ УКРАШЕНИЕ КОМНАТЪ,

а также хороший подарок на именины всякаго возраста (обоюго пола). Коллекция из 8-ми портретовъ лицъ знаменитостейъ мiра: Толстой, Чеховъ, Горький, Пушкинъ, Гоголь, Рубинштейнъ, Чайковский и Шалляпинъ. Каждый портретъ въ бронзов. рамкѣ художеств. исполн. на границѣ, въ разноцвѣт. эмаль. вапукный, подобн. фарфору, отдается съмыслию отъ пыли и пачканныхъ. Цѣна кол. имѣетъ съ доставкой къ нимъ 3 р., съ упаковки и пересыл. (по желанію могутъ развѣшиваться на стѣнѣ каждый отдѣльно). Высылается налож. плат. безъ задатка (а въ Азіатск. Рос. по получ. стоимости или задатка, не менѣе 1 р. можно марками). Заказывающій сразу 2 колл. 5% скидки, 3 колл. 7%. На складѣ также и портреты польск. знаменит. Колл. изъ 6-ти шт. на тавкѣ. Мицневичъ, Сеневичъ, Словацкій, Шопень, Моношню и Падеревскій, колл. по 2 р. 80 к. съ пост. и п. рес. адресовать прошу: Роману Босину Варшава, Новоліпки, 29—12. 152—2.

!!! Парижъ — Варшава !!!

— Новая коллекція 200 сюжетовъ, только оригиналы —
БУДУАРНЫЯ, КАБИНЕТНЫЯ и СТЕРЕОСКОПИЧЕСКІЯ ФОТОГРАФІИ.

Пробына коллекціи въ 3, 5 и 10 руб. высылаются по полученіи стоимости или задатка почтовыми марками.

Адресъ: С. ЮСТМАНЪ, Варшава, Долгая 27.

ВЪРНЫЙ ПУТЬ КЪ БОГАТСТВУ!

Новоизобрѣтенная, патентованная за № 13302 касса-копилка "Чудо" является единственною служашею одновременно для 5 монетъ, въ 5, 10, 15, 20 и 25 к. Касса открывается только по накопленіи 10, 20, 30 и т. д. т. е. полныхъ десятковъ рублей. Автоматич. механизмъ показываетъ всегда количество собран. денегъ. Обязательствъ ея необходимо каждому, понимающему все великое значеніе правильныхъ и востан. сбереж. Касса — тонкой и изящной отдѣлки, прекрасно никелиров., составляетъ прелестное украшеніе стола, этажерки и т. д. Цѣна съ перес.: въ Европ. Россію 5 р. 50 к., въ Зап. Сибирь и Средн. Азію 5 р. 90 к., въ Вост. Сибирь 6 р. 90 к. Требования исполняются немедленно наложеннымъ платежомъ. Адресовать:

Якову Израэльсону, Варшава, Огородная, № 8—Ж.

P. S. Если касса почему либо не понравится, то принимаю ее обратно и возвращаю деньги.

!Отцамъ и матерямъ!

Приучайте съ раннихъ лѣтъ своихъ дѣточекъ къ трудолюбію. Для этого вышлите американскую дѣтскую ручную швейную машину, работа на которой, кромѣ громадн. пользы, доставляетъ дѣтямъ истинное удовольствіе. Благодаря ея практичности, машины эти пользуются исходу незначимъ успехомъ. Въ н. слѣдств. время продано ихъ болѣе 60,000 шт. Цѣна съ пересылкой въ Европейской Россіи — 4 руб. 50 коп., въ Азіатской Россіи и Сибирь — 5 руб. 50 коп. Высылаю наложеннымъ платежомъ безъ задатка.

Адресовать: Якову Израэльсону.

Варшава, Огородная, № 8—Ж.

P. S. Если машина почему-либо не понравится, принимаю обратно и возвращаю деньги.

НАСТОЯЩІЙ

МАЙСКІЙ БАЛЬЗАМЪ

продается — Ожуховъ мостъ, № 111—15, кв. 12. Произведено въ собств. домъ.

Высылается наложеннымъ платежомъ.

Цѣна банки съ пересылкой 1 р. 40 к. — 12 банокъ — 12 р.; 6 банокъ — 6 р., мал. банка — 50 к.

ТРЕБУЙТЕ КАТАЛОГЪ

СТЕРЕОСКОП. И ПАНТОСКОП. АППАРАТОВЪ,

ПАРИЖСКИХЪ ФОТОГРАФІИ

КРАСИВЫХЪ, ГРУППЪ И ЖАНРОВЪ ВЪ РАЗНЫХЪ ПОЗАХЪ.

Пробына коллекціи въ 3, 5 и 10 руб. высылаются по получ. задатка или стоимости — можно почтовыми марками.

Адресъ: С. ЮСТМАНЪ, Варшава, Долгая 27.

НѢТЬ

ни одного человѣка который не оставался бы въ восхищеніи отъ моего электрическаго фонаря, издающаго при малѣйшемъ нажимѣ настоящей электрической свѣтъ. Вполнѣ безопасенъ. Въ послѣднее время продано сихъ фонарей болѣе 60,000 шт. Масса благодарственныхъ писемъ. Требования высылаются немедленно налож. платеж. Цѣна съ пересылкой 1 шт. 1 р. 60 к., 2 шт. 3 р., 3 шт. 4 р.

Варшава. Якову Израэльсону.

Огородная, № 8—Ж.

НАСТОЯЩІЯ

парижскія и американскія резиновыя издѣлія (презервативы) цѣною за дюжину 1 р. 80 к., 2 р. 40 к., 3 р., 3 р. 00 к., 4 р. 20 к., 4 р. 80 к., 5 р. 40 к. и 6 р. Гигиеническія губки въ 2 руб. 40 коп., 3 р. 50 к., 4 р. 80 к. и 6 р. за дюж. Изъ рыбьяго пузыря за дюж. 1 р. 80 к., 3 р., 4 р. 50 к. и 6 р. и проч. Высылаю налож. платежомъ съ пересылкой. I. Шапиро, ВАРШАВА, Новоліпки, 51—14. 153—3

КРАСИВО И СКОРО ПИСАТЬ выучиваю каждого заочно въ 8 ур. удост. 5 золот. мед. и 5 поч. крестовъ за заслуги. Пробн. письмо шриф. образцы учен. работъ и усл. высыл. за двѣ 7 к. марки. Одесса, Дерibas. д. № 17 ж. Проф. каллигр. Ш. Круку.

135.—5.

НѢТЬ

ни одного человѣка, который не призналъ бы рекоменд. мною вышш. металл. стереоскопа "ИМПЕРІАЛЬ" весьма интересной и дешев. вещь въ кажд. домѣ, показывающей буквально какъ въ натурѣ всевозможные виды, жанры и группы пейзажн. содержанія. Цѣна стереоскопу съ 100 разнородными фотог. карточками 3 р. Высылается и налож. платежомъ. Картинки имѣются въ 40 серияхъ по 25 шт. каждая. Цѣна серіи 50 коп. Адрес. М. Левинъ, Варшава, Хлодная, 42—16. 151—2

ВЪ КОНТОРЪ ЖУРНАЛА

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

ПРОДАЕТСЯ:

„СВОБОДА ИСКУССТВА“

піеса Гр. Гр. Ге, въ 5-ти актѣхъ.

Цѣна за экземпляръ 2 р. съ пересылкой.

Товарищество „ФОРТО“ въ Варшавѣ

ПРЕДЛАГАЕТЪ ПО НЕБЫВАЛО ДОСТУПНЫМЪ ЦѢНАМЪ ЗНАЧИТЕЛЬНУЮ ЭКОНОМІЮ

Требуйте для убѣжденія:

Часы карманные, англ. ворон. стали, лучш. конструкціи, мужскіе и дамскіе открытые	2 р. 35 к.	Стереоскопы съ 20 интересными видами	— р. 75 к.
„ „ „ „ такіе же глухіе	3 „ 10 „	Музыкальные ящики „Симфонія“ съ пьесами лучшихъ композиторовъ 2 р. 75 к., 3 р. и	4 „ — „
„ „ „ „ американскаго новаго золота открыт. такіе же глухіе	2 „ 75 „	Концертные аккордеоны съ 20 голосами и 10 клавиш.	2 „ 75 „
„ „ „ „ черные англ. „Роскопфъ“ 1 сорта откр. серебр. 84 пр. зав. ключемъ, глухіе	4 „ — „	Ножницы „Универсалъ“ съ 18 инструментами (прилагается объясненіе)	2 „ — „
„ „ „ „ такіе же на 15 камн. съ болѣе крѣпк. корпусомъ	2 „ 90 „	Механическія бритвы „Securita“ (практич. и безопасн. „Figaro“) для неуѣрен. руки	2 „ 50 „
„ „ „ „ такіе же на 23 камня	6 „ 50 „	Лампа „Свѣчникъ“, безъ стекла, горитъ безъ шума и запаха очень ярко, замяняетъ кухню	2 „ — „
„ „ „ „ тяжеловѣсныя, 80 гр., съ брегетовскимъ волосомъ	7 „ 60 „	Надверныя доски мѣдныя или бѣлаго металла съ гравиров. надписью	1 „ 75 „
„ „ „ „ дамскіе 84 пр. ремонт. глухіе	8 „ 40 „	Должностные знаки: волостнаго старшины, помощника волости, старш.	1 „ — „
„ „ „ „ мужскіе такіе же, зав. головкою 7 р., 8 р., 9 р., 10 р. и	10 „ — „	„ „ „ сельскаго старосты съ цѣлью, помощи сел. стар. съ булавою	1 „ — „
„ „ „ „ золотые 56 пр., дамскіе, глухіе 19 р., 22 р., 25 р. и	5 „ 70 „	„ „ „ сотскаго, съ орломъ, желтый, обый	— „ 40 „
„ „ „ „ такіе же мужскіе 30 р., 45 р. и	15 „ — „	„ „ „ полеваго и лѣснаго сторожа	— „ 30 „
Цѣпи американ. новаго золота или никельныя по 30 к. и	45 „ — „	Нумераторы самокрасочные стальные, 3 цифры 21 р., 4 циф. 22 р., 5 циф. 24 р. и 6 цифр.	— „ 40 „
Браслеты серебр. 84 пр.	50 „ — „	Штемпель-календарь, передвижной на колесахъ, очень практичный	26 „ — „
Кольца золотыя 56 пр. съ камн.	— „ 35 „	Сургучныя печати мѣдныя, для Правит. и админ. учр. безъ орла 2 р., съ орломъ или гербомъ	2 „ — „
Серьги золотыя 56 пр. съ камнями или безъ	— „ 85 „	Сургучныя печати каучуковыя	2 „ 50 „
Ножки англійской стали	— „ 90 „	Заграничный каучукъ для вулканизации штемпелей, 1 сорта, 1 фун.	1 „ — „
„ „ перламутровые заграничной изищной выдѣлки дамскіе и мужскіе	— „ 35 „	Каучуковые штемпеля желаемыхъ форматовъ и текстовъ, крафоны, медальоны, дурабели, браслеты, краски флаконами и фунтами по прейсъ-куранту, высладемому по требованію. Нужны агенты для заказовъ каучуковыхъ штемпелей.	1 „ 90 „
Портмоне кожаныя, со штемпелемъ (им. отч. и фам.) въ 60 коп., 85 коп. и	2 „ — „		
„ „ „ „ въ 60 коп., 85 коп. и	1 „ 40 „		
Такие же съ электрическою лампою, очень практично	2 „ 15 „		
Бумажникъ-кошелекъ съ 7 отд., со штемп. изъ работы	2 „ 10 „		
Электрическія фонари карманные, въ 60 коп. и	— „ 75 „		
Электрическій фонарь „Прожекторъ“ съ сильно свѣтлымъ увеличительнымъ стекломъ	1 „ 25 „		

Заказы высылаются по полученіи задатка не менѣе 1 руб., (можно и марками) по нал. плат., пересылка за счетъ г. заказчиковъ.—Отъ Правит. Админ. Учр. и лицъ задатка не требуется.

Адресовать: Т-ву Форто Варшава, Сенаторская А. Д.

ГРАММОФОНЫ

НОВѢЙШИХЪ ТИПОВЪ

Монархъ съ концертной мембраной, лучшаго качества, верхняя крышка открывается. Цѣна 50 руб.

Монархъ съ концертной мембраной, верхняя крышка открывается. Цѣна 35 руб.

Тонармъ-Гигантъ трехъружничный, дѣлка большаго размѣра, широкой раструбъ. Верхняя крышка открывается. Цѣны 100 и 150 р.

и другіе модели на разныя цѣны Пластинки по 1 руб., 1 руб. 10 коп., 2 р., 2 руб. 20 к. и дороже. Прейсъ-куранты и списокъ пластинокъ бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, Морская, 34. ♦ Москва, Кузнецкій мостъ.

РНБ РЖФ

1
124н.

1904
√52.